

ОТ АВТОРА

Сразу хочу сказать спасибо редакции журнала «Новосибирск» за предоставленную возможность показать не в интернетовском «облаке», а на «земле», то есть в печатном варианте, подборку своих публицистических творений – авторских предисловий, полемических заметок и иных «воспоминаний».

Эта публикация является фактически копией публикации интернетовской (2015 г.) с некоторым дополнением пояснительного текста по дням последующим.

Вот и начну с авторского вступления, аналогичного интернетовской публикации, содержание которой в настоящее время, естественно, полностью подтверждаю.

Говорят, что нынешний кризис самый сложный и глубокий для нашей страны со времени распада Советского Союза. Конечно, за последние 20 и более лет выбор кризисов богатейший, и ученые мужи убедительно доказывают «историческую победу» сравнительными финансово-экономическими характеристиками. А мне со ступени своего производственного, литературного и просто житейского опыта хотелось бы сказать вот о чем: нынешний кризис по социально-

психологическому состоянию большинства людей, как мне кажется, ближе всего к 1988 – 1990 годам (еще в СССР!). Один и тот же главный «внутренний» настрой — жажда не просто нормальной текущей жизни, а ЖАЖДА ВЕРЫ В БУДУЩЕЕ.

А сколько похожих «внешних» настроев! Вот и на пресс-конференции 18 декабря 2014 года Владимир Путин сказал: «...нами многое не сделано из того, что мы планировали сделать... в течение практически предыдущих 20 лет», и озвучил один из еще более поздних «настроев»: «...нужно создать благоприятные условия для ведения бизнеса, обеспечить свободу предпринимательства... для развития производственной части бизнеса, реального производства...» Да, да, в те далекие ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ годы мы как раз и думали об этом, спорили, планировали, проявляли инициативу. (Производственные кооперативы тогда набирали силу. А потом, после всех «шоковых терапий», многие из оставшихся в живых превратились в «купи-продай» или бандитско-водочные конторы.)

Или еще один из «внешних» настроев. На упомянутой пресс-конференции президент отвечал на вопросы не только о «наших бюрократах», но и о «различных кампаниях по травле», оппозиционерах и «какой-то

реакции общественности, людей, которые не согласны с этой позицией». И в те далекие годы мы активно сталкивались, помимо «официальных органов власти», с генно-напуганными лизоблюдами и ксенофобствующими ура-«общественниками».

Да и в последующие переломные кризисы 1991 – 1992 гг., когда распалась наша большая единая страна СССР, и 1999 – 2000 гг., когда после мощнейшего финансового кризиса 1998 года фактически потерявший доверие народа президент Борис Ельцин передал бразды правления страной молодому и энергичному председателю правительства Владимиру Путину, которого вскоре мы избрали президентом, главные «настрои» были такими же. И у моих литературных героев настроение в те годы было соответствующее:

– Лёгкая промышленность загнивает, - сокрушаются люди.

– Нытики! – упрекнул их Лева Зайцев. – Тяжелая совсем загнила, и то правительство не плачется.

Раньше побеждал блатнейший, сейчас – сильнейший, а умнейший, как всегда, в дураках.

Льва Зайцева спросили:

– Ты хотел бы возврата к старому?

– Ни в коем случае!

– А что бы ты хотел?

– Возврата к будущему.

И я готов настойчиво повторять: наше спасение, наше будущее только в УВАЖИТЕЛЬНОМ единении опыта, текущего поиска и мечты. То есть, уверен, необходимо научиться воспринимать историю нашей страны именно как ЕДИНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ людей, ее граждан, и, значит, с критическим, но не озлобленным пониманием относиться к противоречивой жизни наших отцов и дедов. В том числе, вдумчиво характеризовать и оценивать лидеров нашей страны, власть имущих. И здесь позволю самоцитирование: «... время рождает своих героев и своих извергов. И нет забвения героям, и нет прощения извергам, какими бы «орешками» они не были...»

К сожалению, как известно, история не знает сослагательного наклонения, в прошедшем ничего не изменить. Вот и необходимо для созидательного взаимодействия основных «масс», Человека и Государства, историческое ЕДИНЕНИЕ В СОСТРАДАНИИ И БОРЬБЕ за не повторение, мягко выражаясь, плохого и за сохранение и совершенствование хорошего, проверенного временем.

О всяческих «взрывах» («положительных» и «отрицательных») на этом сложном и противоречивом пути я и пытался рассуждать в своих полемических заметках-воспоминаниях.

Бык не любит красный цвет,
Как и любой в цветном движении...
Новый Год, дай нам умнее
И старанье, и везенье –
Не ковидных «черных» пеней,
Не «зеленых» сотрясений
И, тем паче, потрясений,
Не «коричневых» волнений,
Не «красных» воскресений»,
А «цветных» преодолений –
Мирных, красочных побед.

Часть 1. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПРЕОДОЛЕНИЮ»

Это «воспоминание» о моей первой художественно-публицистической повести «Преодоление» (1974 – 1988 гг.) Первоначально она называлась «Шаги к покою». Но потом, во время Горбачевской перестройки, мне пришлось добавить небольшую главу, и повесть превратилась в «Преодоление». Издать ее я сумел в 1991 году и, надеясь, что она и в наше, новое время может быть кому-то любопытна и поможет не только лучше понять день вчерашний, но внесет, как я надеялся и перед книжной публикацией, «скромную лепту в сегодняшнюю борьбу за духовное и нравственное возрождение нашего Отечества...» (из авторского предисловия к книге), в 2016 году опубликовал ее в интернете на портале Проза.ру.

И сейчас я хочу опубликовать не только «Краткую хронологию «Преодоления», в которой в 1990 году после почти пятнадцатилетнего «настоя» бурно вырывались из памяти воспоминания по истории написания книги, но и дополнительное пояснение-размышление, которое я ввел в интернетовскую публикацию. Но вначале приведу несколько «публицистических» фрагментов из злополучной повести.

Из книги «Преодоление». – Новосибирск, ПК «Издатель», 1991 г.:

«И сейчас, сидя за столом после беседы с Ретневой (сослуживица Малинина, главного героя – Г.М.), Малинин вспомнил давнишний разговор в курилке: сослуживцы обсуждали какой-то фельетон, в котором были замешаны и члены партии. И вот кто-то из ребят сказал, что, мол, медленно растут у людей ангельские крылышки. А Бродов (сослуживец Малинина – Г.М.) тут же: «Большевиком был Ленин. Других поубивали на войне или свои пересадили. А нынешние — приспособленцы...» Эти слова потрясли Малинина своей оглушительностью, своим жестоком цинизмом: «Нынешние — приспособленцы...»

Он в то время еще мало проработал в отделе, плохо знал людей, да и услышал этот разговор мимоходом, слету — спешил куда-то, второпях перекуривал. Но все это время помнил о нем, переживал, что не нашел в себе силы вмешаться, опровергнуть Бродова. И сейчас чуть ли не вслух яростно прошептал:

— Лжешь, Бродов, лжешь. Сам себе лжешь...

И вспоминая, анализируя свой разговор с

Ретневой, размышляя: «Придуривается. Или, на самом деле, заблудилась? Сомневается... Не верит... Но волнуется! Значит, тоже хочет что-то переделать, да не знает, с чего начать. Мечется, — продолжал рассуждать Малинин. — Энергии много, а выхода нет, вот и мучается. Хочет стать равнодушной, но не может. Natura не та! — Почему-то вспомнил, как она звенула. Сморщился... — Нет, во многом она искрення. Болеет... «Здесь иная смелость нужна... А мы вот: иные...» — Усмехнулся: — И во мне сомневается... — Тут внезапно потерял нить рассуждений, наморщил лоб, потер растопыренными пальцами виски. — В меня тоже не верит... А сам-то веришь в себя? — неожиданно задал себе вопрос, словно вдруг засомневался в своей непогрешимости, словно вдруг впервые чуть ли не физически почувствовал и на СЕБЕ отсутствие этих «ангельских крылышек»... Опять потер пальцами виски: — Черт побери, ты что это, Юрка? Конечно, верю! Сложно все... Я честно работаю и хочу, чтоб у нас было лучше. Главное, можно, чтоб было лучше. А раз можно, надо пытаться делать. Делать то, что от тебя зависит. То, на что ты способен. Надо, чтоб все почувствовали себя людьми, а не просто техниками и инженерами! — уверенно, напористо текла мысль, будто перескочила через порог на бурной реке, который немного запутал, затормозил течение, но теперь поток ринулся с удесятенной энергией. — Надо обрести свободу мысли! Искать! Обрести душевную свободу! Как говорила Ретнева, почувствовать раскованность! Надо пытаться! Пробовать! Ведь это делает жизнь интересней, красивей... Господи, — разозлился Малинин, — какими это стандартными фразами я думаю, как с трибуны выступаю... Вот, вот, — поймал он себя на слове, — именно с трибуны! Привыкли, что с нее зачастую только красиво говорят».

«Но внешне курилка жила обычной шумной жизнью.

— Ничего у Малинина не получится с индивидуальным соревнованием, — продолжался начатый разговор. — Дело это добровольное.

— А вообще-то ничего, если засветят башли и прочее, — Спицын (сослуживец Малинина — Г.М.) закурил уже, наверное, третью сигарету. — Представляешь, я тебя победил — и от твоей зарплаты чик! — резанули и мне подбросили!

— Ты вначале научись размеры правильно ставить.

Спицын засмеялся, но все увидели, как щeki его покрылись румянцем. Отшутился:

— Ладно, можешь при себе свой кусок оставить.

— Тогда гони ты десяточку с зарплаты! Думаешь так, за спасибо?!

— А что смеетесь? — Петя Лысенко (сослуживец Малинина — Г.М.) взмахнул руками. — За спасибо тоже не грех. Вот с работой поднажали, а ведь никто, по-моему, премий не обещал.

— Подстраховываемся, тылы прикрываем — вдруг приказ выйдет: форсировать! наказать!

— Ерунда! — спорили другие, — Одни работают и остальные поднажали. Демократия!

— Бросьте! — вступил Бродов. — Все у нас на страхе строится.

— Почему же на страхе? — Петя заходил

перед ним, как голубь перед голубкой, чуть ли не наскакивая на него грудью. — Страх — состояние естественное, каждому животному присуще, как и человеку. А вот дисциплина — осознанная дисциплина! — это другое...

— Вот и прояви осознанную дисциплину! — рявкнул Бродов, «голубка» была не из пугливых. — У тебя чертежи сделаны, у нас — куча. Помогай!

Петя Лысенко отступил от него:

— Мы еще не все согласовали. Честное слово, — усомнился, что ему поверят».

«Стыров (начальник отдела — Г.М.) подвинулся к Малинину и, положив руку ему на плечо, тихо, но напористо продолжил:

— Слушай, Юра, брось ты свою затею. Не разжигай страстей. Придумал соревнование конструкторского бюро — и молодец. А остальные выбрось из головы. А то выдумал: конструкторы, начальники, министры... Сам знаешь, что это вулкан... лава. Полетит, поползет и вверх и вниз. Потом сам захочешь остановиться, да не сможешь. — Резко убрал руку с его плеча, и глаза стали злыми, жестокими. — Не нам это все решать. А ты пытаешься, мелкая сошка, что-то там перестраивать. За-топ-чут!

— Что вы меня пугаете, Василий Иванович? — взбунтовался Малинин.

— Никто тебя не пугает. Просто советую. Чтoб не пожалел потом. Никто тебя не поддержит. А голову сломаешь. Жизнь надо знать. Так я говорю, Валерий Денисович?

Патрикеев (сослуживец Малинина — Г.М.), держа за ножку фужер, медленно крутил его на столе и, не поднимая глаз, проговорил:

— И правда, Юра, не стоит все это начинать...

— Хватит! — резко прервал Малинин, вдруг почувствовав невыносимую злость, обиду. — Знаю, за что вы держитесь! А ты, Патрикеев, оказывается, подхалим порядочный. Гнать таких надо!

Патрикеев махнул рукой, в которой держал фужер с напитком, и весь остаток воды выплеснулся в лицо Малинину, который с его-то былой реакцией оперативника молниеносно среагировал: ударил его кулаком в подбородок. Патрикеев слетел со стула, как бильярдный шар, врезающийся в лузу после сильного удара. Падая, он стянул за собой скатерть с посудой и остатками пищи.

— Дерутся! — испуганно вскрикнула какая-то женщина».

«А настроение Малинина, на самом деле, было «артистическое».

Словно он был один на большой житейской сцене, а вокруг люди, люди, и все смотрят на него из глубины огромного зала и ждут, что он скажет, что сделает. А он что-то замешкался, забыв свою роль, и люди уже с недоверием смотрят на него. «А знаешь, что коллектив против тебя настроен? — вспоминались слова Стырова. — Люди хотят спокойно работать...» «Спокойно, Юра, спокойно», — говорил себе Малинин, вкладывая в эти слова простой и высокий житейский смысл. И опять возвращался к ресторанной стычке со Стыровым: «Народ умней пошел: беготно никто не уважает, все пожить хотят...» — и вдруг ему вспомнились не-

обычно злые, жестокие глаза: «За-топ-чут!..» И сейчас Малинин явственно понял, какую неуловимую силу хотел Стыров призвать на помощь, чтоб защитит свою слабость, свою трусость, свою жажду покоя, душевного покоя. Силу, которую он хотел бы распылить в душах больших и малых людей, чтоб они придавили, заглушили, затоптали, не дали сказать тебе свое слово, не дали осуществить свое дело. Силу, которая пойдет на все ради своей власти, отделяя ее от власти людей, от власти коллектива. Нет, это не о тех реальных бюрократах, чинушах и клерках, о которых говорил Ретнева. Стыров о другом. О том, что давно ушло из нашей жизни, но что можно возродить — нет, не на деле! Боже упаси! — а на словах, которые ему, Стырову, помогут козырнуть, чтоб защитить свою власть. Может, кто-то и клюнет... — И это было чуждо Малинину. И он, как когда-то думая о Бродове, чуть ли не вслух яростно прошептал:

— Лжешь, Стыров, лжешь. Сам себе лжешь...

И вспомнилось уже далекое время, пятьдесят шестой год, после съезда... Школьником был... То ли отчет читал, то ли радио слушал: о культе личности, о том, что больше никогда у нас не повторится несправедливость, и что наши сердца всегда были и будут верны борьбе за счастье людей... Вышел на улицу, ветер в лицо, а он наперекор ему смотрит, широко глотая воздух, и на душе крылья... Необыкновенное было ощущение. До сих пор помнит. А ведь судьба его родителей и ближайших родственников была благополучной. А сам он и не жил в те суровые времена... Откуда же у него, у мальчишки, было это ощущение свободы?! Вот именно свободы! воли!.. Сколько энтузиазма влили тогда слова правды... Хотя, конечно, в кого влили, а из кого вылили... Да, время и бытие лечило и лечит от многих бед и заблуждений. Сейчас, вроде, понимают и знают, за что бранить, за что хвалить. А может, еще до конца и не знаем, и не понимаем. Еще многое надо преодолеть... — и Малинин спорил со Стыровым и сожалел, что не осуществил это наяву, там, в ресторане, ведь просто так, вновь, не начнешь спор. И доказывал, доказывал и Стырову, и всем, кто бы стал возражать, что нет, люди теперь не просто «умней», не просто «пожить хотят», не просто «не уважают беготню». Люди стали сложнее в высоких порывах своей души. Хотят все знать, все понять, во всем разобраться, душой ощущать ту цель, к которой их зовут. Как было во времена революции, как было во время войны. Люди начали понимать всю сложность и нашего, сегодняшнего, бытия с его противоречиями, поисками лучшего, более совершенного, и хотят жить красивой и значимой. — И опять кричал людям какие-то смелые и весомые слова, то ли возносясь на свою фантастическую трибуну, которая стояла чуть ли не посередине земли, а то и всей вселенной, то ли в резком порыве выскакивая на бруствер окопа, и звал их вперед, за собой, в день сегодняшний и в день завтрашний — близкий, но незнакомый. И вдруг подумал: «Лишь бы войны не было...»

Да, как и раньше, многое, вроде, понимал, осознавал, сердцем, душой чувствовал Малинин. Но если бы сейчас Патрикеев мог услышать эти его «риторические фантазии», то

опять, наверное, сказал бы: «Теоретик». И может быть, Малинин не нашел бы в ответ каких-то живых доказательных, убедительных слов. — «Спокойно, Юра, спокойно».

«Стыров уверенно пошел к столу президиума. Достал из кармана какую-то вырезку из газеты.

— Я перед собранием высказывал мнение: не надо замахиваться на то, в чем сами сомневаемся и не знаем, как решать. У нас есть государственные институты, ведающие всем этим. Вот, — начал зачитывать: — «Необходима организация Всесоюзного научно-исследовательского института социалистического соревнования», — гоготал Стыров.

Люди улыбались, слушая эти многочисленные «ГО», — Стыров всегда так читал вслух, словно боялся отступить от написанного. И кое у кого опять замелькали мысли: говорили, говорили, а все без толку. Что они, на самом деле, институт какой?!

— Не все так просто решается, — говорил Стыров. — Что, никто больше над этим не думает?

— Трусливо думает, — вдруг произнес Бродов.

Стыров недоуменно усмехнулся, но ничего не ответил на эту реплику. Продолжил:

— Но мы не будем ждать у моря погоды. Коллективное соревнование — отличная идея, проверенная. А индивидуальное для нас неосуществимо. Если бы где-то были положительные результаты, то уж не стали бы их прятать под сукно...

— Еще как спрятали бы, — опять вставил Бродов. — Что, в государственных институтах не люди, что ли? Такие же дармоеды.

Кто хихикнул, кто засмеялся. Стало шумно. Малинин встал:

— Сергей Андреевич, подождите, пожалуйста, мы предоставим вам слово.

Бродов не стал ждать, заговорил:

— У нас каждой твари по паре, везде болото и черта с два из него вылезешь. А ты, Малинин, — Бродов вдруг перевел на него злой взгляд, — народник. Вот кто ты. В люди пошел, агитируешь. А надо потрять кой-кого, а то и к стенке...

Малинину было неприятно, даже неудобно слышать эти слова, — нет, не в свой адрес, а вот эти, последние. Разве можно такими словами разбрасываться? Но понимал: нельзя одергивать, пусть все выскажет.

А Патрикееву нравилось выступление Бродова. Правда, резковато. Но что сосокать?! Хотя на месте Малинина оборвал бы его сейчас, осадил, пресек бы эту говорильню. Здесь не болтать надо... И опять мелькнула мысль, что вот была бы у него власть, всех бы расставил по своим местам без всяких соревнований! И не метались бы люди, не спорили попусту, время бы не тратили ни свое, ни чужое».

Краткая хронология «Преодоления» (авторское предисловие к книге):

Признаться, долгие годы я не только ждал и надеялся на публикацию своей вести, но и верил, что рано или поздно это произойдет. Конечно, надеялся на госиздателей... и мечтал о «самиздате» — о том ис-

тинно свободное «индивидуальное соревнование» в творчестве, о котором мечтали и мои герои-технари, работая с «железом». Но осуществил я свою мечту, конечно, не от хорошей жизни, ибо «самиздат» сегодня — еще пока способ вынужденный, а не общепринятый. И знаю, что обязательно напишу документальное и почти детективное повествование, как я преодолевал «Преодоление». Уже придумал название — «Называю имена и явки»: расскажу о людях доброжелательных, честных, пытавшихся помочь, а не утопить; расскажу о людях, искренних в своем заблуждении — увы, не понимавших дня текущего и не видевших дня завтрашнего; расскажу о людях хитрых, трусливых, двуличных — конъюнктурщиках, литературных вышибалах, политических проститутках и духовных палачах. И, главное, попытаюсь рассказать о времени, которое сам пережил, которое сам выстрадал. Да и предлагаемая повесть тоже об этом — о таких же людях, о прошедшем и сегодняшнем времени...

Когда-то журнал «Сибирские огни» опубликовал мою фразу — «ЕСЛИ ГЛАГОЛЫ НЕ ЖГУТ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ, СОЖГИ ГЛАГОЛЫ», чему я и следовал, критически отбирая для публикации свои рассказы, стихи и песни. Кое-что было опубликовано, кое-что, как говорится, было пропето на пластинках фирмы «Мелодия»... А повесть «Преодоление» (первоначальное название «Шаги к непокою»), рекомендованная в 1976 году Новосибирским областным семинаром молодых авторов к изданию, встретила отчаянное сопротивление.

Рукопись, к счастью, не горела, и я четко осознал свой «риторический» замысел: дать возможность героям и самому себе ВЫГОВОРИТЬСЯ и попытаться РАЗОБРАТЬСЯ в нашей противоречивой жизни, что не только определяло художественные средства, но и признаваться, «успокаивало» своей художественной сверхзадачей. (Как тут не вспомнить слова Ф. М. Достоевского: «...хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь».)

Позволю себе привести слова из рецензии (1976 г.) В. Н. Шапошникова, который в то время был зав. отделом критики (!) журнала «Сибирские огни»:

«...повесть Г. Меера получилась интересной, неординарной как по замыслу, так и по художественному воплощению.

Автор поднимает в своем произведении массу злободневнейших, острейших проблем, самым тесным образом связанных с научно-технической революцией и ее задачами. Повесть от начала и до конца насыщена глубокими раздумьями о взаимоотношениях человека и коллектива, о творческой инициативе, о роли каждой отдельной личности в развитии современного производства и о многих других вопросах, которые несет нам «век НТР».

Интересен и главный конфликт повести

— борьба молодого партгруппорга... главный герой воюет не за какие-то частные производственно-технические проблемы; он ратует за коренную перестройку всей системы работы... При этом автор не упрощает, не выпрямляет главный конфликт повести, показывает реальные трудности и препятствия, стоящие на пути технического прогресса. Да и само понятие технического прогресса предстает в повести как категория нравственная, ибо технический прогресс — это и непрерывное совершенствование личности, самих людей,двигающих науку и технику... Одним словом... очевидна ее достоинство, ее сильные стороны...»

Не буду пересказывать «многие другие вопросы, которые несет нам век НТР», поведаю только, что еще в 1975 году Н. Я. Самохин, которому я впервые показал свою повесть, сказал мне, что я взялся за тему, за которую не берутся даже профессионалы. Тогда я только, так сказать, теоретически понимал, что профессионалы не берутся за многие темы не только потому, что далеки от заводской жизни... Но через два года я уже на практике понял, почему «профессионалы не берутся». (А сейчас знаем: некоторые из них брались за самые трудные и запретные темы и преодолевали.)

Один из тогдашних (1977 г.) маститых редакторов Западно-Сибирского (ныне Новосибирского) книжного издательства сразу после упомянутого семинара поставил клеймо на моей рукописи: не имеет перспективы. И когда он показал мне свою рецензию с критикой «повести-инструкции», в которой, по его заключению, автор чуть ли не призывает к возврату 37-го года, т.к. симпатизирует своему беспартийному герою, жаждущему кой-кого поставить к «стенке», а потом искренне объяснил, что я НИКОГДА не опубликую свое произведение, т.к. принимаю в нем роль партии, подменяя ее каким-то соревнованием, ролью коллектива, я понял, что уважаемый редактор ничего не понял и что я, видимо, на самом деле, написал... неплохую вещь. И, естественно, не только о заводской жизни, а просто о жизни. Как и задумывал.

И я благодарен этому редактору за его порядочность, ибо он показал мне тогда еще целых три ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ рецензии (естественно, с доброжелательными пожеланиями и советами), в одной из которых писатель Б. Малочевский предугадал судьбу моей работы, написав, что у повести будет трудная судьба, т.к. на ее пути будут встречаться люди, о которых пишет автор...

Пропускаю многие отрицательные и положительные слова и рецензии (в том числе «большешиков» литературы — партийных деятелей и представителей КГБ), которые я слышал и читал за эти годы преодоления. Прочитавшую одну из последних рецензий так называемой эпохи торможения и зстоя (1984 г.), переданную мне поэтессой, которая в то время заведовала отделом прозы журнала «Сибирские огни»:

«Повесть эта «пишется» десять лет. Примерно столько же лет назад она обсуждалась на областном семинаре и была признана несостоявшейся (??? — Г.М.)... На протяжении восьми (!) листов идут нескончаемые и бессодержательные разговоры о некой «новой системе»

соревнования... Попутно — столь же несочетаемые разговоры в курилке на псевдоострые «социальные» темы демагогического характера...»

Пусть будет на совести рецензента, так сказать, историческая ложь и закавычено-восклицательный сарказм, не говоря уж о все еще царствующем идейно-политическом ярлыке... А судьба повести «Шаги к непокою» привела в 1986 году к дополнительной главе «Непокой. Вместо эпилога» и, естественно, к новому названию — «Преодоление». Время-то уже было наше — перестроечное.

И журнал «Сибирские огни» перестроился, мгновенно позабыв про «бессодержательные разговоры» и «псевдоострые «социальные» темы демагогического характера». Прочитую рецензию (1986 г.), подписанную уже лично упомянутой поэтессой.

«...повесть «Преодоление» представляет собой попытку художественного анализа истоков социально-экономического преобразования нашей страны... повесть исполнена гражданского пафоса и направлена на формирование в читателе чувства ответственности перед народом за свою общественную позицию...»

Поняв, что «идейным измором» автора теперь вообще не взять, все силы в этой рецензии, как Вы, читатель, наверное, догадываетесь, были сосредоточены на применении самой верной и надежной для вышибал всех времен и народов субъективно-вкусовой «художественной» дубинки:

«...Одним из тяжелейших пороков произведения следует считать ужасающе упрощенную психику ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ (выделено мной — Г.М.) действующих лиц... Другой тяжелейший порок произведения связан с языком, которым написана повесть...»

Конечно же, не автору судить о художественных достоинствах и недостатках своего творения, тут он бессилен, как бы ни защищался. Но все же упрекну поэтессу в непрофессионализме: должен же быть хотя бы один герой с более-менее нормальной психикой и понятным языком, чтоб «анализировать истоки» и «формировать в читателе чувство ответственности», о чем она сама же упоминала в своей рецензии.

В 1988 году, как говорится, с высоты дня текущего была написана еще одна страничка — «От автора, или Заключительный публицистический монолог рассказчика», которым, как я надеюсь, подтверждается верность не только содержанию, но и форме — повести-исследованию, повести-рассуждению, повести публицистической.

И вот сейчас, оглядываясь, как говорится, на пройденный путь и, конечно, надеясь, что смогу внести публикацией своей повести скромную лепту в сегодняшнюю борьбу за духовное и нравственное возрождение нашего Отечества, за возрождение авторитета партии — не конъюнктурных аппаратчиков и прочей партийной «верхушки», узурпировавшей власть, а ее рядовых представителей, которые и есть основа и надежда партии, хотел бы сказать: да, мы перестройку выстрадали — и многие авторы, и их герои, и

многие читатели. И не только те, кто сидел в тюрьмах и психушках за свои убеждения, кого изгоняли из общества, из страны, но и мы — простые смертные. Нам никто перестройку не подарил, не милостыню бросил, не от жалости провозгласил. Да разве не нашими муками, вздохами, стонами, неслетыми песнями, робкими, но настойчивыми поисками на собраниях, семинарах и в рабочих курилках накапливалась взрывная усталость, тревожа тех, «кому на Руси жить хорошо»? Да, мы были запуганы бесконтрольной властью, развращены и куплены обещаниями и благами намерениями, обмануты дезинформацией или огульны вообще отсутствием какой-либо информации, но жажда свободы и справедливости всегда жила в нас, мучила нас и выплескивалась наружу, преодолевая страх, неуверенность, ложную стыдливость и стеснительность. Это были наши с вами робкие, не всем видимые и, главное, не всеми до конца и сегодня еще понятые и осознанные ШАГИ К НЕПОКОЮ. Это мы, коммунисты и беспартийные в первичных партийных организациях и трудовых коллективах — единственно существовавшее в то время массовое общественно-политическое движение, — приходили к главному открытию, главному партийному и общенародному осознанию советской власти — НАУЧИТЬСЯ СОВЕТОВАТЬСЯ ДРУГ С ДРУГОМ, т. е. к необходимости демократизации нашей жизни, в том числе и партийной, к возрождению главного — человеческого в человеке, к тому «коэффициенту совести», который не подсчитаешь никакими формулами, к такому соревнованию, которое будет не социалистически уравнилельное, а, наоборот, социалистически конкурентным. Мы сегодня и говорим о рыночных отношениях, пытаюсь взять лучшее, что накоплено в мировой практике, и привнести свой опыт или, вернее, накопить его на путях становления рынка, совершенствуя только те социалистические принципы и традиции, которые проверены нашей или общечеловеческой практикой и не отвергаются быстротекущей и изменяющейся жизнью, стремясь к единению рубля и совести, материи и духа, свободы и закона, человека и государства. И, думаю, сумеем построить нормальное, цивилизованное общество, живущее по демократическим законам ПРЕОДОЛЕНИЯ, по гуманным законам СОРЕВНОВАНИЯ, о чем в свое время мечтал я со своими героями...

Вот почему 70-е годы — а к этому времени я отношу эту небольшую историю, которую хочу вам рассказать в своей повести, — мне виделись и видятся не только годами торможения и застоя. Это было время ожидания, время поиска. Поиска местного, как бы стихийного, — именно робкие шаги к непокою, и сегодня надежно слившиеся со всеохватным движением к обновлению, о чем я и попытался рассказать на последних страницах своего повествования.

ского монолога. Мы должны ПО ПРАВУ ПАМЯТИ, ПО ПРАВУ ДУХОВНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ помочь друг другу — и словом, и делом — самоосознать, что каждый новый этап нашей истории — это ПРОДОЛЖЕНИЕ нашей жизни, наших судеб, как вечное продолжение человеческого единства и борьбы. Только тогда мы сможем возродить или взрастить гены не слепого, а осознанного исторического оптимизма, не пугливого или бесшабашного, а открытого и вдумчивого социального и духовного поиска. И тогда наша перестройка будет осуществляться не ДЛЯ народа и не только ВМЕСТЕ с народом, а ВСЕМ народом, и в этом гарантия ее необратимости.

И еще. Думаю, что все эти годы я сумел продержаться без шума, суеты и паники не только потому, что «успокаивался» упомянутой художественной сверхзадачей, работой над совершенствованием ее художественного решения и вечной неудовлетворенностью от содеянного, не только потому, что, увы, верил людям, которые собирались мою повесть обнародовать и, как говорится, кормили обещаниями, но и потому, что мне помогали мои партийные и другие общественные заботы, заботы производственные и житейские, словно свою повесть я ОПУБЛИКОВЫВАЛ своей жизнью. И, признаться, всегда жалел «профессионалов» (естественно, «профессионалов» в кавычках) — я старался оставаться свободным, они оставались рабами. Многие из них и сегодня еще рабы — не своих убеждений, а своих хозяев, своего прошлого и, конечно, далеко не чистоплотной конъюнктуры. Но я всегда верил в лучшие времена, а значит — в НОВЫХ или ОБНОВЛЕННЫХ людей, с которыми столкнет меня судьба.

Преодоление продолжается...

Геральд Меер

P.S. Готовя рукопись к изданию, я, естественно, имел возможность, как говорится, что-то усилить, обострить, сказать смелей и, так сказать, эффектной — ведь с высоты сегодняшнего дня это сделать не трудно. Но пусть мои герои, как и сам рассказчик, останутся такими, какими они были в свое время, какими это же время им позволяло быть, — некоторые из них, может, чуть наивными, а где-то и излишне восторженными, но все же искренними в своей жажде выговориться и разобраться. Хотя, конечно, об этом судить не мне.

Г. М.

1990 г.

Дополнительное «воспоминание», которое я ввел в интернетовскую публикацию (2015 г.):

...И вот, наконец-то, в 1991 году (спасибо «беспроцентному» кредитору) я открываю пахнущую краской свою первую книгу... И вдруг вскоре объявляют о распаде моей страны — СССР. И я понял: в жизненном продолжении моего скромного повествова-

ния победил один из моих вымышленных партийных героев, которому я, как автор, не симпатизировал.

До сих пор где-то в моих архивных рукописях хранятся листочки с нарисованными прямоугольничками. Это в начале 70-х, работая над повестью, я «сочинял» блок-схему управления заводом и страной — «Партком», «Дирекция», «Начальники цехов и отделов», «Профсоюз», Политбюро, Верховный Совет и т.д. — и мучился, не зная, как функционально соединить «Партком» и «Политбюро» с другими геометрическими фигурами-блоками, логично и надежно связанными между собой. А ведь за этими бездыханными «железными» фигурами (в основном заводскими) стояли герои моего рождающегося повествования, которые должны были работать, спорить, влюбляться и т.д., и т.п. Словно я пытался сочинить не литературное произведение, а художественную... ДИССЕРТАЦИЮ. Так хотелось разобраться в дне текущем, так хотелось как-то помочь ему. А может, и помочь дню завтрашнему.

Конечно, в нынешнее время какие-то слова и понятия уже стали архаичными, а для некоторых читателей могут быть вообще неизвестными — например, тот же «партком» или «социалистическое соревнование». Но основные слова и понятия живут и даже набирают силу — «гласность», «свобода», «борьба», «конкуренция», почти не употребляемые в то время или просто запрещаемые, как «псевдоострые «социальные» темы демагогического характера» (это слова из одного из отзывов на мое творение журнала «Сибирские огни»). Но, конечно, есть и «вечные ценности» — технический прогресс, совесть, «железо», любовь и многое другое, что, надеюсь, делают героев повествования не технарями-роботами, а людьми своего времени, куящими не только это самое «железо», но и жизнь.

Еще раз потешу себя словами из рецензии «брежневского» 1976 года известного сибирского критика Владимира Николаевича Шапошникова, которые я привел в упомянутой «Краткой хронологии...»: «...главный герой воюет не за какие-то частные производственные проблемы; он ратует за коренную ПЕРЕСТРОЙКУ (выделена мной — Г.М.) всей системы работы...» И потому вспомню еще один «шаг», о котором умолчал в «Краткой хронологии...». После 1986 года, когда М. Горбачев уже провел победно-перестроечный съезд КПСС, я вновь заглянул в редакцию журнала «Сибирские огни», и хорошо знакомый мне и искренне уважаемый молодой главный редактор, недавно назначенный на эту ответственную художественно-идеологическую должность, как обычно, неторопливо-мрачноватым голосом (а может, просто немного смущенным) сказал, что готов опубликовать мою повесть, если я перенесу события повествования... в текущее (ПОСЛЕсъездовское!) время. Мои литературные герои, как и их, так сказать,

прототипы — мои сослуживцы на крупном оборонном заводе, терпеливо «оборонялись» от противоречивой и зачастую несправедливой текущей жизни. Дописав еще одну главу «Непокой», моя повесть превратилась в «Преодоление». В этой редакции я и сумел ее издать в 1991 году.

И преодоление продолжается...

Мне и сегодня хочется «прокричать» главную мысль своего старого творения: без свободного «индивидуального соревнования» (ныне — демократических выборов и конкуренции в экономике) и соответственно укрепления НРАВСТВЕННОЙ роли правящей элиты (ранее — «начальников» компартии) никакого устойчивого роста экономики и духовно-гуманистического развития нашего общества не получится, как не получилось и при советской власти. Ведь и сейчас мы мечтаем, надеемся, не о «разовом порыве» (до счастливого снятия санкций и еще более счастливого роста нефтедолларов), а о «постоянном настрое на инициативу» (опять же извините за самоцитирование).

И еще. Читателям, которым не интересна «публицистическая» попытка автора «выговориться» и «разобраться», как говорится, не стоит беспокоиться. Я уже давно понял, что у каждого литературного творения есть и свой читатель, и свой критик. Притом, без всякого снисхождения. Но я помню и о том, как в авторской жажде доброжелательного критика-собеседника я пересказывал свое творение сыну, которому тогда было, моему, лет 7 — 8. Он слушал внимательно, а потом, прервав «громкий» монолог одного из моих героев, азартно выпалил: «И тут он достал автомат и — тра-та-та! тра-та-та!» Боже, как я жалею, что не послушал сына и столкнул героев только в «скромной» драке, т.е. без выстрелов и кровавого смертоубийства.

И в любовных сценках можно было добавить откровенного секса... Да, могло получиться более читабельно. Но если продолжить не в духе шутового самооправдания, то сейчас, как и в 1990 году, когда я готовил рукопись к книжной публикации, конечно, очень хочется что-то сократить (особенно в «железных» страницах), сказать смелей или даже по-иному. Да и в авторском предисловии можно бы «приглушить» некоторую, я бы назвал, «партийную романтику». Но опять ни слова не изменю. Пусть все останется таким, каким было, — и повесть, и ее автор-рассказчик. (Надеюсь, исправление орфографических и пунктуационных ошибок не позволит упрекнуть меня в «конъюнктурном» отклонении от первоисточника.)

P.S. С желающими «пощупать» саму книгу могу поделиться из авторских запасов. Кстати, вот и «нечитабельное» время («читали» в основном фантастические продуктовые ценники, лиричные «инструкции» по райскому обогащению через конторы типа «МММ» и детективно-прозаические сводки о происшествиях и убийствах) я выставлял на книжных прилавках свою повесть с такой

рекламной табличкой: «Эта повесть о нас с вами, о том, как мы, простые смертные, преодолевая страх, неумение и ложную стыдливость, уже давно пытаемся вырваться из заколдованного круга унижения и обмана, тревожа тех, «кому на Руси жить хорошо». Эта повесть о жажде свободы, справедливости и любви. Повесть запрещали партюкраты, над ней издевались лжедемократы. А что скажете вы?»

Под «партюкратами» и «лжедемократами» я имел и имею в виду кабинетных деятелей — трусливых и конъюнктурных чиновников от власти и высоко величаемой «культуры» (повесть в общем-то прошла незамеченной какой-либо литературной критикой, кроме, конечно, так называемых, внутренних рецензентов).

Признаться, в брежневско-горбачевское время, все же надеясь на гражданское здравомыслие издателей-партийцев, я наивно-осознанно старался (то бишь искренне и в меру своих литературно-художественных способностей) успокоить этих деятелей — да-да, не только некоторых своих трусливых и корыстных героев — и настроить их на «смелость» устами своего главного героя, который в своих громкоголосых диалогах-монологах сысылал на вождя мирового пролетариата. Я даже закавычивал некоторые, так сказать, чужие авторские слова, и герой в лоб пояснял: вот, он почти цитирует! Мол, не бойтесь собеседники (а для автора — граждане издатели), мои слова о совершенствовании социалистического соревнования, в том числе «друг с другом» и прочей «гласности», следуют мыслям и идеям самого Ленина! Более того, мой главный герой в своих командировочных московских странствиях и «риторических фантазиях»-размышлениях не просто «идет к мавзолею, к Ленину», а «идет на свет земной, кремлевской звездочки», то бишь на «свет» партии и правительства, на каждом шагу присягающих «ленинским заветам». Словом, повесть — наша, советская! А автор — тем паче. И это, последнее, про автора, уважаемый читатель, без всякого исторического сарказма, иронии и, тем паче, конъюнктуры.

А в горбачевско-ельцинское время я прекрасно понимал лжедемократов и прочих, обслуживающих власть деятелей: как же можно отдавать инициативу по реанимации идеи свободы и конкуренции «низам» — какому-то заурядному производственному коллективу, да еще выдуманному?! Получается, что провинциальный автор как бы претендует... Не понимая, что автор претендовал и претендует только на главную мысль: нельзя превращать историю нашей страны в раздробленное нагромождение «времен», «эпох» и «этапов», связанных только с именем того или иного партийного деятеля, но не связанных между собой ЕДИНЫМ ПРЕОДОЛЕНИЕМ всего народа. Вот почему в «Заключительном публицистическом монологе рассказчика», так сказать, уже в перестроечное время, я с нескрываемым удовлетво-

рением и гордостью написал: «...мне и мои герои стали еще более близки и понятны слова, сказанные с высокой трибуны: «Многое было продумано, выношено, выстрадано всем ходом развития страны. В разных слоях советского общества не сегодня и не вчера начала созревать мысль о необходимости перемен». И я искренне благодарен за эти слова уважаемому М.С. Горбачеву. (О перестройке и о многом другом, как бы «расшифровывающим» и дополняющим мою злополучную повесть, я попытался рассказать в 1989 году в публицистической статье «Цепная реакция. Полемические заметки», которую, к сожалению, тоже не сумел опубликовать в свое время и обнародовал ее на страницах Прозы.ру в 2012 г.)

И еще. Я хотел бы от всей души поблагодарить читателей из того сурового времени материального и даже физического выживания, которые проявили любопытство к моему творению — книге «Преодоление». (С кредитором я, слава богу, вскоре рассчитался.)

Часть 2. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Это основное, как я считаю, публицистическое «воспоминание» 1988 – 1989 гг. Это было время, когда политическая и, я бы сказал, идеологическая борьба (М.Горбачев – Б.Ельцин) набирала скорость. Но мои полемические заметки, как и повесть «Преодоление», журнал «Сибирские огни» не стал опубликовывать. Мне дружелюбно вернули рукопись, ссылаясь в своем отказном письме на некоего рецензента, ибо, «как отмечает рецензент, рукопись представляет собой редкий жанр полемики – «с самим собой». Вы пытаетесь поднять целый массив проблем нашего настоящего, так называемые, перестроечные темы. Но разработка ни одной из них не осуществлена, а главное – не подкреплена фактическим материалом».

Да, заменить Институт марксизма-ленинизма я не смог... Уважаемый доктор философских наук, лекции-дискуссии которого в те активные времена я рьяно посещал и который самолично передал рукопись моих полемических заметок в наш уважаемый журнал, развел руками: «Увы, помочь не могу, я не член редколлегии».

В другие журналы я не обращался. Но, по-моему, повторялась история, подобная «хронологии» моей злополучной повести: я не мог отбросить и забыть свои старые «муки творчества», которые во многом, особенно во взаимоотношениях основных «критических масс» – Человека и Государства, совпадали с текущими «муками жизни». И было обидно: сколько возможностей мы упустили в единении «верхов» и «низов» для достижения общей цели – именно перестроить, именно реформировать и наш политический строй, и нашу экономику, и всю нашу жизнь на благо всех людей, на благо всей

страны. Увы, цели оказались разными...

И вот с таким, мягко выражаясь, «обидным настроением» я, по-моему, и написал вступительный текст «От автора (вместо предисловия)» к своим «историческим» заметкам, когда в 1999 году, в сложный и спорный период смены власти (Б.Ельцин – В.Путин), в разгар предвыборной кампании, я попытался «остановиться и оглянуться», снова надеясь на обещанную журнальную публикацию. Тогдашняя редакция журнала оптимистично приняла два моих опуса – лирический рассказ «Встреча» и опять же эти самые полемические заметки. Лирику опубликовали. Искреннее спасибо. Про публицистику устно сказали: ПОКА не будем.

Впервые я опубликовал «Цепную реакцию» только в интернете, в 2012 году, на портале Проза.ру. И опубликовал я свои полемические заметки в день обращения вновь избранного президента В.Путина («рокировка» В.Путин – Д.Медведев) к Федеральному Собранию, дополнив их очередным и, думаю, логичным послесловием – авторской реакцией на послание президента.

Это дополнительное послесловие, естественно, я включил и в нынешнюю перепечатку публицистических заметок. Но хотел бы вспомнить и дополнительное «предисловие» 2012 года:

«Сегодня опубликовал очередную шутку под вывеской «Ха-ха!»:

– Почему президент озвучит послание Федеральному Собранию 12.12.12 в 12-00?

– Для надежности: кто не поверит магии слов, поверит магии чисел.

Вот и я постараюсь опубликовать свои полемические заметки сегодня...»

И в феврале этого 2021 года журнал «Сибирские огни» опубликовал мое давнее публицистическое творение на своем интернетовском сайте в новой рубрике — «За журнальными полями». Спасибо нынешней редакции журнала.

И сейчас я даю полемические заметки в сокращенном варианте, сохранив все эмоциональные авторские подчёркивания (выделения шрифтом) «любимых» слов и выражений, по файлу 1999 года, в те времена впервые набранному на компьютере, когда, как уже сказал, пытался «остановиться и оглянуться».

И, конечно, благодарю уважаемого политолога и эрудита Анатолия Вассермана за доброжелательный отклик на мою скромную работу, который он опубликовал на своем сайте после моей публикации в интернете (2012 г.): «Немного опыта былого. Gerald_tribun перепечатывает в своём ЖЖ из своего раздела на сайте «Проза.Ру» давние, но всё ещё актуальные «Цепная реакция. Полемические заметки».

И низкий поклон за отзыв доктору исторических наук Алексею Григорьевичу Осипову (г. Новосибирск). Вот несколько слов из рецензии (2016 г.):

«...Текст статьи Геральда Меера «Цепная реакция. Полемические заметки» (далее

- «Заметки») написаны на актуальную для нашего общества тему и их можно отнести к многоплановому исследованию, представленному в своей логичной последовательности...

В настоящее время налицо попытки вновь исследовать и понять историю нашей страны. Поэтому представленные «Заметки» Г. Меера, являясь не плодом «кабинетных» размышлений, а своеобразным документом своего времени, важны для читателей.

«Заметки» написаны доходчиво и образно, читаются легко, с интересом, что немаловажно для публицистических работ...

Конечно, на новые времена должна быть и новая реакция. Но, уверен, только как ПРОДОЛЖЕНИЕ, как эволюционное совершенствование дней прошедших, а не губительный «революционный» взрыв. И сейчас, когда в стране социально-экономическая ситуация ведет к усилению политической борьбы, притом с нарастающей скоростью, опыт предыдущих и особенно «перестроечных» лет забывать нельзя. Ведь в нем, уважаемый читатель, есть не только уроки нашей, так сказать, «романтической» молодости, но и сохранилась далеко не романтическая «старость» некоторых вопросов и проблем. Мы так и не сумели до конца многое осмыслить, чтоб «цепная реакция» жизни шла по пути созидания, а не разрушения, как случилось в прежние времена.

Вот и повторю из «предвыборных размышлизмов» 2018 года:

Рано или поздно преодолеем все прошлое,

И караси-идеалисты уплывут в прошлое.

Хорошо бы, конечно, чтоб – рано.

И, главное, БЕЗ ВЗРЫВНОЙ РАНЫ...

Цепная реакция ускоряется –

Преодоление продолжается.

ОТ АВТОРА (вместо предисловия, 1999 г.)

С учетом сегодняшнего экономического, политического и, конечно, духовного кризиса, а также усиливающегося противостояния не только основных лозунгов — «За продолжение курса реформ!», «Назад к социализму!» и «Вперед к социализму!», — но и самих «критических масс» — людей и государства, мне показалось необходимым, как говорится, остановиться и оглянуться: о чем мы мечтали, на что надеялись? Что мы хотели получить в результате перестройки и ее «ускорения»? Почему мы так активно поддерживали М. Горбачева, а потом все более стали симпатизировать строптивому члену ЦК КПСС Б. Ельцину? Да, нам есть что вспомнить, слушая агитацию за «старый» социализм. Нам есть о чем размышлять, вникая в программные выступления о «новом» социализме, который мы пытались осмыслить еще при социализме «развитом» и «зрелом». Нам есть что анализировать и о чем спорить, пропуская свою жизнь через жернова нынешнего российского «капитализма», о котором осмеливались рассуждать

еще в перестроечные времена. Так в чем же мы пытались разобраться и что объяснить и доказать, беспокоясь, естественно, не только о дне текущем, но и о дне завтрашнем? Вот я и вспомнил о своих заметках, которые написал в конце 1988 — начале 1989 годов. Заметки были написаны без всяких претензий на наукообразность, а исходя из здравого смысла и житейского опыта, и потому, как я надеялся (и надеюсь), отразили взгляд «снизу». И в этом, наверное, главный для меня стимул показать их Вам. Да, в те времена они, видимо, были именно полемическими и, к сожалению, я не смог их опубликовать (хотя, признаться, заметки были поддержаны авторитетным философом), но и сегодня, как мне кажется, есть о чем поспорить и подумать. Показывая их Вам с небольшими сокращениями, я хотел бы именно подчеркнуть: многое, о чем тогда думалось и переживалось, еще живет в днях текущих, многое мы так и не преодолели, а кое-что и усугубили. (Кстати, при чтении заметок попробуйте заменять в некоторых местах «перестройку» на «реформы», «социализм» на «систему» или «общество», «партию» на «партии и движения» и Вы сами в этом убедитесь). Перестроечные правители не видели того, что было видно нам, простым смертным, в бурлящих от дебатов трудовых коллективах и первичных партийных организациях, являющихся в то время ЕДИНСТВЕННО СУЩЕСТВОВАВШИМ массовым общественно-политическим движением. А если и видели, то упустили главный шанс перестройки — единение «верхов» и «низов» для достижения общей цели. Увы, цели оказались разными... А сейчас разве не та же проблема? И нам надо не только вернуть «низам» веру в свою «историческую миссию», а дать реальный толчок «цепной реакции» — «положительному взрыву» человеческой энергии. Причем, главное, «взрыву» не политическому, а экономическому, хотя, к сожалению, от политики нам пока далеко не уйти. Вот я и надеюсь, что заметки не просто передадут дух и настрой тогдашнего, я бы сказал, романтического времени, но и внесут скромный вклад в осмысление времени преодоленного и настоящего, чтоб сделать правильный ВЫБОР для дня завтрашнего.

И еще. Готовя эти заметки к публикации, конечно, хотелось что-то подправить, сказать смелее и точнее, а то и продолжить их. И вдруг стало очень и очень обидно: даже с нашими прежними знаниями и умением сколько возможностей мы упустили, чтоб именно перестроить, именно реформировать и наш политический строй, и нашу экономику, и всю нашу жизнь, взяв лучшее как из социализма, так и из капитализма, с учетом и наших традиций, и нашей культуры, и нашего, как сейчас модно говорить, менталитета. (Кстати, на «диком западе» и «одомашненном востоке» это поняли уже давно-давно, не боясь и не стесняясь как «социалистической» плановости, «социалистического» государственного регулирования

ния, так и «капиталистической» конкуренции, «капиталистического» рынка. Вот, видимо, почему и «шведский социализм» и «китайский капитализм» успешно сосуществуют и развиваются на «родной» почве развитого капитализма и развитого социализма). А мы опять: да здравствует р-революция и за ценой не постоим... Кто виноват и что делать? Вот мне и показалось необходимым остановиться и оглянуться, ибо наше спасение, наше будущее только в УВАЖИТЕЛЬНОМ единении опыта, текущего поиска и мечты.

1999 г.

1. ПРОБУЖДЕНИЕ БЕЗ ПРОБУЖДЕНИЯ

Иногда мне кажется, что мы еще совершенно не поняли и НЕ ХОТИМ понимать, что с нами произошло и происходит, живем как во сне: видим какие-то простые и сложные, спокойные и волнующие дела и события и зачастую сами в них участвуем, голосуя за экономические и политические реформы дня сегодняшнего, возмущаемся, скорбим и плачем, когда вдруг открываем для себя заново или вновь переживаем свои и чужие судьбы, ставшие историей нашей страны, и, взывая к свободе и правопорядку, пытаемся заглянуть в день завтрашний — мечтаем, строим планы, надеемся и ждем... что вот-вот проснемся, чтоб наконец-то с усталой облегченностью вздохнуть: слава богу, это был сон и от нас ничего не требуется.

Слава богу... На самом деле, мурашки по телу: неужели это все про нас? Неужели это мы? И даже немного притомились от обилия исторических и современных «фильмов ужасов» и газеты опять стали читать с ленцой, словно чего-то не хватает — то ли жизнеутверждающих песен советских композиторов, то ли жизнерадостных слов «строителей коммунизма». Ну, если и не таких песен и слов, то все равно чего-то утверждающего и радостного.

Хотя, слава богу, не голодаем, от шмоток квартиры ломаются, ищем-рыщем за более совершенными холодильниками, теле-радио-видеоаппаратурой, машинами, покупаем или строим дачи, ездим в загранпутешествия... Лучше живем, и лучшему нет конца. А что было, то было. Главное — живем! Что еще нам требуется?! Что еще от нас требуется?! Живем и будем жить!

Оваций, конечно, не будет. Понимаем, что все сложнее. Понимаем... Вон как бурлит страна: собрания! митинги! демонстрации! кровавые схватки в печати и на улицах! бронжилеты! дубинки! слезоточивые газы! голодовки! забастовки! критика и самокритика! — разбужено СЛОВО! Выборы и пере-выборы! — разбужено ДЕЙСТВИЕ! Словом — перестройка! Разве мы не сбросили бронированное одеяло политической и социальной апатии?! Разве мы спим?! Разве мы живем как во сне, не понимая, что с нами произошло и происходит?! Разве... Стоп!

Сегодня договориться до «бурных и

продолжительных» оваций, наверное, еще можно, но все же трудно. Да и кто рискнет? Хотя, может, кому-то и надо, и хочется. Но большинство из нас не этой тоской маятся, взирая или участвуя в бурном и продолжительном торжестве пробудившихся слов и действий. Опять чего-то не хватает. (Ах, этот вечный дефицит!) Хотя мы понимаем и даже наизусть выучили: вначале было слово, и слово тоже есть дело. И потому еще прекрасней понимаем, что вот именно без пробуждения ДЕЛА наши действия могут превратиться в пустую жестикуляцию или далеко не пустое, извините, мордобитие, и наше слово может стать не просто пустым словом, а «последним словом» на панихиде нашей мечты, планов и надежд, если не сказать более грустно о жизни собственной и государства в целом, а то и всего человечества.

Понимаем... И нас увещевают: «Хватит, наговорились, пора переходить к делам». Нас призывают: «Побольше конкретных дел — вот лозунг дня!» Но мы помним еще с революции, с времен культа личности, с так называемой эпохи волюнтаризма, торможения и застоя: «За работу, товарищи!» Да всю нашу жизнь мы только и делали и делаем, что трудимся, работаем, вкалываем, горбимся... Нет, понимаем, что надо работать больше, лучше, качественней, экономней, энергичней, надежней, продуктивней, эффективней с использованием НТР, НТП, НОТ, ЭВМ, АСУП и прочих коротких и длинных советских и не советских аббревиатур, то бишь достижений, для повышения нашего человеческого, а значит и государственного КПД. И не для усмешек и ухмылок пытаемся понять, что же означает наша сегодняшняя жажда ВЫГОВОРИТЬСЯ и РАЗОБРАТЬСЯ? В чем же суть нашего тоскливого недовольства, неудовлетворенности, непонимания понимания?

Кажется, что мы уже давно выстрадали самое глубинное понимание нашей великой беды и трагедии: в нашем огромном государстве, которое по Конституции раньше определялось как «диктатура пролетариата», а потом как «общенародное государство», а фактически превращенное в «царство-государство», не было и нет ХОЗЯИНА. Не рабовладельца, не царя, не диктатора, не затеяника-вдохновителя, не толкача-погонялы, не азартного игрока, а именно хозяина — рачительного и думающего — в лице как «верхов», так и «низов», т.е. каждого из нас и общества в целом. И сегодня мы только и говорим об этом, призывая друг друга БЫТЬ ХОЗЯИНОМ, и пытаемся действовать, выбирая новых руководителей или «разогревая» прежних. И, конечно, надеемся на этих руководителей и ждем... И опять надеемся, и опять ждем — то ли новых «цэу», то ли маньчжурские небесной, то ли нового царя-батюшку с партбилетом в кармане, и устали уже, изматались, издергались. И вроде все понимаем и ничего понять не можем.

Я думаю, что дело вот в чем. Все, что

сегодня происходит, это, конечно, трудный и противоречивый прорыв к истинному, реальному, а значит материальному пробуждению, к истинному и реальному пробуждению чувства хозяина. А это уже прорыв не просто к делу, а прорыв к СВОЕМУ делу, ради которого, может быть, ты и появился на белом свете или, во всяком случае, к которому осознанно относишься как к основному делу своей жизни, сделав свой добровольный выбор. Этого СВОЕГО ДЕЛА у большинства нет. Этого СВОЕГО ДЕЛА мы хотим и не хотим, т.к., с одной стороны, понимаем, что нам всем надо что-то делать, что-то предпринимать, чтобы жить лучше, а с другой стороны, не можем найти СВОЕ ДЕЛО, не понимая что это такое и интуитивно даже боюсь его. А многие без всяких интуиций понимают: это ответственно и не легко — работать лучше и больше. А кому этого хочется? А все ли это умеют? А все ли способны на это?

Вот и мается, томится наша душа и, как прежде, не находя ответа, рвет глотку на собраниях и митингах или боязливо, или от незнания, что предложить, что посоветовать, отмалчивается. Или плюет на все — и зачастую не столько от равнодушия и нехотения, сколько от неверия, что можно будет не просто временно сдвинуть с мертвой точки наш обюрокращенный государственный механизм, а что он сможет заработать с гарантией безопасности и надежности. И получается — одни живут как во сне, другие вообще спят. А третьих, кто давно или недавно поистине пробудился, очень мало. И это еще не механизм, а голый «денежный энтузиазм». Вот почему наше материальное пробуждение «слышится и не слышится», «движется и не движется». И не только в подмосковные вечера.

2. ПЕШКИ ИЛИ ОРЕШКИ?

Вся власть — Советам!

Фабрики — рабочим!

Земля — крестьянам!

От каждого — по способностям,
каждому — по труду!

Кто не работает, тот не ест!

Бесплатное образование!

Бесплатное медицинское
обслуживание!

Стабильность цен на

продукты питания

и предметы первой необходимости!

Право на работу!

Право на жизнь!

Народ — творец истории!

Этот перечень оптимистических и ур-оптимистических формул, лозунгов, призывов, предначертаний и указаний можно продолжать до бесконечности. И мы были загипнотизированы своей же «родной советской властью», так как все это в той или иной мере совпадало или совпадает с нашей реальной жизнью. Советы были всегда. На заводах и фабриках «гегемонили» рабочие, на земле — крестьяне, восседая во

всех руководящих органах и в первых рядах президиумов. Каждый что-то зарабатывал и зарабатывает и зарплата росла и растет. Если не работать, то на казенных «тунеядческих» харчах, думаю, долго не протянуть. Образование и медобслуживание — бери не хочу. Цены растут, но все же на продукты питания и предметы первой необходимости не так страшно, как, например, на машины. Пожалуйста, живи, только работай. А работы невпроворот, значит можно жить долго. Вся история — это судьба народа.

И в то же время понимали и понимаем, что реальной власти у Советов, как представительного народного органа, никогда не было и нет. Заводы и фабрики рабочим не принадлежат, как и земля крестьянам. В основном работаем не по способностям и получаем не по труду. Тот, кто не работает, зачастую ел сытной и вкусней, чем работающий (и сейчас таких не мало). Образование и медобслуживание — нет слов и здоровья говорить об этом. Относительная стабильность цен при ухудшении качества продуктов и товаров. Работы много, но чаще всего пустой. Живешь и помнишь, что жизнь не гарантируют ни преступники, ни государство: смертный приговор может быть приведен в исполнение и для невиновных. Народ проливал пот и кровь почем зря.

Вот и вырвались мы на первые места по обильным, но мало вкусным калориям, по скуčnosti и скуčnosti быта, по кратости и короткости жизни.

Так что же мы построили и строим? И кто есть Мы? Кто есть Я, т.е. каждый из нас? Винтики? Пешки? Роботы? Чурбаны? Дураки? И что значит СВОЕ ДЕЛО? Что значит СВОЕ ДЕЛО при социализме? Работа по специальности? В своем саду-огороде?

Вопросов больше, чем ответов. С высоты дня сегодняшнего, так сказать, космического, пожалуй, можно понять общую картину и назвать ее своим именем. Я это понимаю так: в нашей стране и в каждом из нас жили-были не просто «тормозящие явления», «нарастающие негативные процессы», «предкризисные формы», «нарастающие кризисные явления», «сползание к кризису» и прочие, как мы любим говорить, отдельные, хотя и серьезные недосадки, а жил-был и пока еще здравствует самый настоящий и временами жестокий КРИЗИС, и смысл его в одном: в 1917-м году мы с великим энтузиазмом, искренностью и верой в скорое счастливое завтра разрушили «до основания» старый «весь мир насилья» и построили с не меньшим энтузиазмом, искренностью и верой «наш», «новый мир» насилья в каких-то реалиях человеческого духа и бытия еще более голодный и рабский.

Как мелко и кощунственно, страшно и трагично звучат известные оптимистические формулы, лозунги и призывы, когда мы знаем, что в то же самое историческое время миллионы людей умирали от голода на своей родной и вечной земле-кормилице, когда при той же «советской власти» миллионы

людей уничтожались в тюрьмах, лагерях, на каторгах и в ссылках в своей родной стране-родине, когда при том же «социализме», построенном «в основном», «развитом» и «зрелом» духовный голод опустошал, растлевал, уничтожал еще живые души и унижал, растаптывал человеческое достоинство миллионов еще «вольной дышащих». Разве об этом мы мечтали, разве это планировали в 17-м году, когда писали кровью и потом простые и понятные слова о Советах, о наших фабриках и заводах, о нашей земле, о нашей с вами жизни? Разве такой социализм мы строили, когда самоотверженно трудились в годы первых предвоенных пятилеток? Разве это мы защищали, когда спасали свой дом, свою страну от фашистских захватчиков, когда вновь преодолевали разруху, голод и холод? Разве все последующие годы вплоть до сегодняшнего торжества гласности мы не совершенствовали нашу жизнь? Не искали, не мучились? Не экспериментировали с совхозами, колхозами и совнархозами? Не занимались рационализацией и изобретательством на наших заводах и фабриках? Не критиковали себя и других? Не принимали НАУЧНО-ОБОСНОВАННЫХ планов и программ?

Так может, идеал социализма это «синяя птица», за которой мы будем гоняться вечно? А что тогда говорить о коммунистических идеалах, о коммунизме?

Когда во время землетрясения рушатся дома и целые города, нами построенные, и под бетонными обломками гибнут тысячи людей, мы не только взываем к стихийным необузданным силам природы, но и к нашему человеческому знанию и умению: строили, строили и построили...

А здесь мы строили и строим целое государство... «И на обломках самовластья напишут наши имена...» Что ж, «обломков самовластья» после крушения очередной, увы, советской царствующей особы у нас предостаточно, до сих пор расчищаем и расчищать не можем. И достойных имен, навечно вписанных в нашу человеческую — советскую! — историю немало, и уверен сколько еще будет имен открыто-откопано. Но как мало у нас знания и умения... И приходим мы к старым словам и понятиям не за гипнозом-дурманом, не за политическими, экономическими, социальными и идеологическими наркотиками, чтоб опять «ослепнуть» — забыть, заговориться, затуманиться, а приходим за лекарством в надежде на реальное прозрение и выздоровление: чтобы вся власть принадлежала людям, народу; заводы, фабрики и земля — работающим, то есть их хозяевам; чтоб мы могли выявлять и проявлять свои способности и совершенствовать их, работать, получая по труду — по старанию и умению; чтоб мы, народ, не слепым орудием были и потому жили долго и счастливо.

Какие простые и понятные слова... Но в этом и секрет, и сложность: известные ураоптимистические формулы и призывы, се-

годня опять превращаясь в простые слова, без «ура» вдруг оказываются не такими уж понятными. Если раньше они были «пешками» даже в наших с вами устах и руках, не говоря уж о принародно диктаторствующей верхушке как при «диктатуре пролетариата», так и при «общенародном государстве», то сегодня мы чувствуем всю сложность и слов, и понятий, и реальной власти, и реальных дел. Вот почему мы и говорим о разработке новой концепции нашей общественно-политической системы, и это, как мы сейчас понимаем, трудный «орешек».

И, как мне кажется, один из основных непонятных вопросов на сегодняшний день как раз и есть вопрос о СВОЕМ ДЕЛЕ при социализме. Но как можно его понять, если мы толком не знаем сегодняшнего состояния своей праматери — капиталистического общества? Для нас всегда было ясно, как нас учили и учат: «иметь свое дело» — это тьфу-частное предпринимательство. «Тьфу» — потому что оно эксплуататорское. Но разве при капитализме все капиталисты? (Кстати, капиталисты еще как «вкалывают»!) А государственный сектор? А государственное регулирование многими процессами, в том числе экономикой? И главное: при развитом и зрелом капитализме эксплуатируемые (без всяких кавычек) трудятся не только за страх, но и за совесть, то есть работают хорошо и честно. И живут хорошо. Кое-где даже очень хорошо. Может тогда не «тьфу»?

Чувствуем, понимаем свою сверхзадачу: было бы без «тьфу», если бы было без эксплуатации... Но сейчас понимаем и другое: разве при нашей с вами опять же «родной» общественной, социалистической собственности нас не эксплуатируют бездельники, чванливые начальники, спекулянты, мафиози и государство в целом? Еще как эксплуатировали и эксплуатируют! — уравниловкой, недоплатой, явными и неявными поборами, вымогательством, опять же «научно-обоснованными» высокопроцентными отчислениями в «центр» не только для нужд государства, но и для спецпайков, спецмагазинов, спецзаказов и прочих спецпривилегий. (Последнее, может быть, из других «фондов», но все равно за наш счет.)

Да и разве мы сами не эксплуатировали друг друга? «Городские» опустошали «сельских», забирая многое себе — и хлеб, и зрелища, и квартиры, и дороги (где деньгами, где натурой), а «сельские» в основном в уборочное время жили за счет «городских» по дутым нарядам или, копясь у себя в огородах, а то и просто отсиживаясь за бутылкой или без нее, и получая от «битвы за урожай» доход в свой общий колхозный или совхозный карман.

Не будем подсчитывать, кто кого больше обманывал-эксплуатировал, сколько недополучали или переполучали «городские» и «сельские». Я прекрасно понимаю всю условность этих рассуждений, и можно долго говорить о классовом понятии эксплуатации, об «ихнем» антагонизме и нашем, социа-

листическом, естественном, неантагонизме бывших и настоящий противоречий. Но все же факт присвоения результатов чужого труда у нас был и пока есть, а это по науке — эксплуатация.

Вот и беда наша: мы ушли от свободного частного предпринимательства, а к свободному общественному предпринимательству не пришли, ушли от частнокапиталистической эксплуатации, а пришли к еще не до конца понятой эксплуатации общественной, социалистической, ушли от частной собственности, а пришли к собственности ничейной, т.е. к бесхозяйственности, так как нам, простым труженикам города и деревни, не только стало «нечего терять кроме своих цепей», но, главное, стало нечего защищать. (Не будем, надеюсь, путать это с защитой Отечества и других сокровенных общечеловеческих достижений — как человеческая честь, гордость, достоинство, или с защитой своих «золотых цепей», то бишь личных накоплений и сбережений. Речь идет о наших экономических взаимоотношениях, а так же о рабочей чести, гордости за свой труд и профессиональном достоинстве.)

Всю жизнь мы боялись не только власть имущих и государство в целом (как орудие насилия), но и самих себя, оглушенные и оглоушенные великим советским энтузиазмом и альтруизмом, почти граничащими с ура-всепобеждающей коммунистической «свободной игрой духовных и физических сил», путая патриотизм к родине, к своей родной земле с молчаливой покорностью перед «временными трудностями» и «отдельными недостатками», загибами, перегибами и недогибами, отрывнув товар и оставив только деньги, подавив в себе и в других вечное желание ИМЕТЬ СВОЕ ДЕЛО. Вот и устроили нам из послереволюционного НЭПа (новой экономической политики) и идеи «цивилизованных кооператоров» жестокую игру уничтожения этих самых «духовных и физических сил».

Нам устроили, и мы строили, с каждым годом все больше и больше «проигрывать» и «новую» политику, и «цивилизованные» идеи, как азартные, но бездумные игроки, безграмотные и неумелые архитекторы и строители, на нашешдые СВОЕ ДЕЛО в своем родном доме-государстве, на своей земле-родине, по уши запутавшись в идеологизированных сетях социализма.

Вот и пытаемся мы сейчас продолжить прерванный поиск, не отбрасывая государственные предприятия, совхозы и колхозы, а на базе их или вне их пробуя и совершенствуя аренду, подряд, кооперацию, акционерные взаимоотношения, индивидуальную трудовую деятельность, фермерское хозяйствование, где, кстати, без частной собственности на орудия труда и средства производства, наверное, не обойтись: уже покупают тракторы и другую технику, а там, думаю, и до семейных маслобен и колбасных цехов дорастем. Покупают — значит продают. Возрождается СВОЕ ДЕЛО, воз-

ждается при социализме, который должен дать нам свободу выбора СВОЕГО ДЕЛА и помогать осуществлять его, чтобы мы смогли работать НЕ СТОЛЬКО за страх, СКОЛЬКО за совесть, превратив свое безразличие и «истерические порывы» (слова В.И. Ленина) в ПОСТОЯННЫЙ настрой на инициативу, или просто работали хорошо и честно. И тогда обязательно будем жить хорошо, даже очень хорошо, может быть, даже лучше, чем у «них», так как будем не эксплуатировать друг друга, а работать друг для друга, зная, что социалистическое государство в лице своих служб и своих граждан, т.е. нас с вами, всегда защитит честно работающего, а значит будем жить спокойно и уверенно. Вот и получается социалистический «орешек» не простой, а золотой.

Да, звучит это все хорошо, но вот сможем ли все это ПРЕОДОЛЕТЬ? Мы не такие уж, извините, тупые, понимаем: не сразу сказка сказывается, не сразу дело делается. Но вот сказками нас кормили долго, даже очень долго. И невольно возникает мысль: может быть, обойдемся пока без сверхзадачи? Построим вначале развитое и зрелое капиталистическое общество с его современными достижениями, а потом будем его перестраивать на социализм, коль его идеалы нам близки и понятны.

Не будем так смело, а, если самокритично, вульгарно-смело шутить. Мы не сумеем у себя построить нынешнее капиталистическое общество, так как не хватит нашей жизни и жизни наших детей, ибо мы должны будем пройти все этапы его становления и борьбы, чтоб выработать СООТВЕТСТВУЮЩИЕ традиции и культуру.

Да, мой вопрос хотя и «вульгарный», но не наивный, не придуманный, он взят из стихии сегодняшних митингов и демонстраций. И если отбросить максимализм и экстремизм, то боль его ясна: как voltarь в нашу жизнь лучшее, что уже достигнуто человечеством, в том числе капиталистическим обществом. Мир полон прекрасными примерами и из области прав и свобод, и из сферы промышленного и хозяйственного производства, и в духовной жизни изобилие идей... Эх, если бы можно было, купив все прогрессивные технологии, — а политическую технологию, думаю, нам дают даром — нажать кнопку и все сразу бы завертелось-закрутилось и наступило всеобщее благоденствие.

Только, увы, сегодня в мире нет таких абсолютно счастливых технологий, — я имею в виду политических, экономических и социальных — а которые есть, не пересаживать, как дерево, из одной почвы в другую. Но учиться надо и пробовать надо те или иные элементы этих технологий, которые помогут жить нам свободней и лучше. А счастливые производственные технологии есть и даже много, их надо покупать и внедрять. Только вот незадача: счастье-то не дается легко, и здесь требуется и традиция, и культура. Производственные технологии крепко-накрепко сейчас связаны с технологиями политиче-

скими, экономическими и социальными: со свежей ли головой встанешь утром, вкусно ли позавтракаешь, с комфортом ли доберешься до работы, будут ли у тебя под рукой нужные приспособления и инструменты, будут ли улыбаться начальники и сослуживцы, не будешь ли считать копейки перед обедом, ждуть ли тебя дома, сможешь ли вечером провести время беззаботно и весело или, наоборот, решишь встретиться с депутатом или партийным лидером и задать ряд важных вопросов и предложить свои варианты решения — и тогда производственная технология будет срывать, как и была задумана. Иначе, при выпадении хоть одного звена, полетят и звенья железные: будем заколачивать электроны кувалдой со всей классовой злостью на весь белый свет.

Не будем сейчас развивать фантазии о конвергенции, о едином не только социально-экономическом, но и общественно-политическом человеческом сообществе (с учетом общих проблем военной и экологической безопасности, здравоохранительных, нравственно-психологических, гуманитарных и многих других общих проблем), построенном на базе капитализма или на базе социализма (нынешние идеологи, наверное, скажут: если на базе социализма, тогда они за эту самую... проклятую конвергенцию, тысячу раз ими оплеванную и замордованную), не будем фантазировать, не будем. Но все же скажем, что и сегодня многие люди на земле смотрят на нашу перестройку с надеждой. Думаю, что не только потому, что наконец-то хотят в нас видеть не «империю зла», а нормальное демократическое, цивилизованное и сытое государство, а надеются на что-то большее. Смотрите сколько «капиталистов» нас изучают, анализируют, нам советуют. Да и многое уже давно успешно используют (не в пример нам): и наши научно-технологические открытия, и наши изобретения, и наш коллективизм, и нашу плановость...

Конечно, злых взглядов и действий тоже хватает. Многие от непонимания, многие от слепой злобы, многие от нашей с вами истории и действительности. Через скорлупу социалистического «орешка» нам-то не все видно, а им подавно. И этот «орешек» реальность, а не фантазия.

Вот и повторю вопрос: сможем ли все это преодолеть? Наверное, многих грызут опасения: сумеем ли мы заново многое осмыслить и, главное, претворить? Какую цену нам надо еще заплатить, чтоб мы окончательно проснулись, прозрели и начали не только задавать вопросы, но и отвечать на них — и словом (теорией), и делом (жизнью)?

Эх, как нам хочется изловить того самого-самого главного «рыжего петуха» — главного «вдохновителя и организатора всех наших побед» и поскорей отрубить ему голову, чтоб, наконец-то успокоив свою совесть, завтра же, прямо с утра, начать жить по-другому и быть достойными великих идей, теорий и замыслов. Эх, как хочется! Но есть сомнения у меня, как, видимо, и у многих на-

счет «завтра».

«Я не виноватая!» — кричит проститутка, застигнутая с очередным «насильником». «Мы не виноватые!» — говорили, а то и кричали мы, когда время и нас застигло с очередным государем-насильником. Народ винить не принято — то ли из деликатности (Культуры еще маловато), то ли от страха (Что взять с толпы и быдла? Толпа всё и всех сожмет) Народ сам себя никогда не обвинит — то ли из скромности (И вообще мы люди маленькие), то ли из-за вечной загадочности (Мы себе на уме, мы всё видим и слышим, нас не поведашь).

А может, не дожидаясь поимки «рыжего петуха», надо в первую очередь нам самим повиниться-покаяться? Винтики мы, пешки, роботы, чурбаны, дураки. Наверное, так. Еще в те далекие революционные времена говорили о несовершенстве «человеческого материала»: «Мы — народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума» (В.И. Ленин). Говорил он и о бескультуре, безграмотности, нецивилизованности... Руками народа не только строили, но и разрушали. Как в нас легко усыпить мудрость и силу, как в нас легко разбудить жестокость и силу. Многих, разбуженных революцией, порубили-погубили, живые зверели-тупели — шла обратная эволюция, нарастала цепная реакция: рабы уничтожали рабов, рабы рождали новых рабов. И самое страшное и трагичное: рабы уничтожали свободных и свободлюбивых людей. Их становилось все меньше и меньше.

Вот и раздаются ныне тревожные голоса об унаследованном «качестве населения», «качестве массы» при всей нашей нынешней поголовной грамотности. Вот и говорим мы с вами о нашем духовном возрождении, без которого ЦИВИЛИЗОВАННОЕ материальное пробуждение невозможно, и мы будем вечно искать главного виновника — ОЧЕРЕДНОГО «рыжего петуха», чтоб только бы не обидеть самих себя, не обвинить в грехах Его Величества Народ.

Не слишком ли все мрачно? Но может быть и еще мрачней. Дело в том, что мы всегда говорили в основном о роли бытия, которое, как известно, определяет наше сознание. И сейчас понимаем, что мы продукт не только «наследия проклятого капитализма», но и доморощенного «казарменного социализма» и, естественно, противоречивого текущего бытия. Но в последнее время мы наконец-то стали говорить и о самостоятельной роли нашего человеческого сознания. Вот и вспомним сейчас о «порочной природе граждан», как говорил еще в прошлом веке английский философ Г. Спенсер, которого вместе с его идеями наши ученые мужи и политики тоже усердно оплевывали. Еще бы! Ведь он вещал: «Нет такой политической алхимии, при помощи которой возможно было бы превратить свинцовые инстинкты в золотые нравы». Но сегодня мы, надейсь, признаем эти «свинцовые инстинкты», к которым, наверное, можно от-

ности и жадность, и эгоизм, и властлюбие, и жестокость. И есть в нас не «свинцовые», а, увы, просто человеческие инстинкты: лень, страх, боязнь боли. И приятные инстинкты: желание вкусно поесть и сладко поспать, вечное стремление к сексу и моде. Не будем сортировать другие врожденные человеческие черточки, дефекты и эффекты, граничащие с патологией, — трусость, болезненное себялюбие и даже манья величия и мания преследования, как чрезмерное проявление соревновательного инстинкта: не отстать, быть первым, не дать себя обогнать и т.д. и т.п., — по которым можно сделать «тихий» вывод: мы все немного, извините, «того». Но даже если и без «того» (разве мы знаем, какой бес сидит в нас, помимо уже всем видимой БЕСхозяйственности?) и без «звериного в человеке», думаю, важно понять: не надо строить из нас «железных Феликсов», давайте будем строить обычных людей и с помощью государства (бытия), и с помощью нас самих, т.е. строить самих себя. Ведь и у этой «мрачности» есть свои просветы: слава богу, врожденные «золотые нравы», «человеческое в человеке» тоже есть в каждом из нас. Скромность, стеснительность, доброта, жажда свободы и счастья... Что перечислять? Многие мы не видим друг в друге, многое не видим сами в себе, многое в нас спит беспробудным сном. Этим самым я хочу сказать, что Человек по природе своей не «пешка», это тоже «орешек» и тоже не простой.

Вот смотрите, мы с вами говорим о пробуждении Слова, о пробуждении Действия и прекрасно понимаем, что дай и сейчас любому, — вот именно любому! Любому не только из «верхов», а любому из нас, из «низов»! — БЕСКОНТРОЛЬНУЮ «советскую власть» и, как говорится в одном, увы, современном политическом анекдоте, после перестройки может начаться пересадка и перестрелка. Мы способны на это, и сами боимся этого. И признание, понимание этого страшного противоречия говорит не только о нашем страхе, который мы с такими муками преодолеваем в себе, но и о нашей с вами свободе, в которой мы так страстно хотим утвердиться, укрепиться, всей плотью чувствуя, что сейчас идет не только обновление станочного парка и обновление кадров, а главное — обновление души. Вот почему мы и надеемся не просто на новый орган — Съезд Народных депутатов, как элемент совершенствующегося бытия, а на живых людей, которых мы так бурно избирали, на их добрые и сильные человеческие качества — на врожденные и приобретенные.

Словом, на бытие надеяться, а сам не лешай. И мы должны быть РАБАМИ ЗАКОНА. Лишь только в этом случае, совершенствуя бытие, мы будем совершенствовать и самих себя, следуя даже тем нормам человеческой морали и нравственности, тем живым нормам человеческих взаимоотношений, которые не учтешь никаким многообразием законов, ощущая себя свободными и неза-

висимыми.

Как красиво звучат эти школьные истины, и как гогочут над нами наши «свинцовые инстинкты». И идет эта вечная борьба и внутри нас, и вне нас, вечное взаимодействие противоречий человеческого духа и человеческого бытия. И в преодолении этих противоречий, в преодолении вечного дефицита материи и духа наше с вами спасение. И, думаю, есть надежда, так как нет утешения в нашей слабости, нет оправдания нашей подлости, нет прощения нашей вере слепой и жестокой.

И вот тут я и хотел бы сказать несколько слов не о «простых тружениках города и деревни», а о тех, кто руководил нами, кто правил, кто решал нашу судьбу и судьбу всей страны. Кто же они? Тоже люди. Но какие люди? Как сейчас в основном преподносятся, это были параноики, шизофреники, чело-веконенавистники, убийцы, мафиози, тупицы и такие же, как мы, чурбаны (чурбановы!) и дураки. Думаю, что в этом что-то есть, хотя и звучит тоже мрачно. Во многих из правящей верхушки далекого и близкого времени сидели те же врожденные и приобретенные «черточки», что и у простых смертных. Но такая простота в объяснении делает «руководящую картину», по-моему, еще мрачней. (А может быть, чем мрачней, тем приятней для нас? Ведь поиск «рыжего петуха» продолжается.)

Не будем сейчас опять же фантазировать, так как многое из нашей истории мы пока не знаем и о многом не ведаем, только скажем одно: история человечества это не только история борьбы классов, но и история борьбы внутриклассовой. А вот нашу советскую историю определила борьба внутрикастовая. И эта борьба за личный авторитет, за престиж и за личную власть, конечно же, подогревалась не только «свинцовыми инстинктами». Бытие вносило свою достойную лепту своей жестокой противоречивостью: догмат «нового мира», строящегося на новых(!) коллективистских(!) началах (сплошная коллективизация!), неизбежность войны (форсированная индустриализация!), непримиримый и боевой дух мировой революции (идеологизация всего и вся!), победа любой ценой.

И здесь я, пожалуй, скажу главное по этому «руководящему» вопросу. Уверен, что Сталин и его окружение жаждали не просто личной власти, это само собой, жаждали не просто «вождизма», что тоже само собой, а ВЕРИЛИ в эту административно-командную систему управления, народом, и странной в целом.

Гитлер, думаю, тоже верил в свои принципы (без кавычек), и это было его убеждением, его жизнь. Поэтому и солдаты фашистской армии, и простые труженики Германии поверили фюреру и его принципам и шли на смерть, завоевывая и защищая. Настоящие враги человечества не могут быть примитивными, ибо тогда явно примитивной будет их идеология и люди за ними не пойдут. А

вот «соратники» и исполнители могут быть примитивными, и тогда жестокость может не знать границ, так как «свинцовые инстинкты» будут помножены на жестокость самой идеологии.

Вот и Сталин, и его окружение наверняка не считали административно-командную систему бюрократической, так как чуть ли не с самой революции все боролись с этим бюрократизмом (и сейчас, естественно, боремся), а верили, что как раз эта система и победит бюрократизм, так как основана на жесткой и даже жестокой дисциплине (ох, как дисциплина нам и сейчас нужна!), четкой плановости (и сейчас еще мечтаем о ней!), на сильной роли государства (мы и сейчас заботимся об этом, коль строим правовое государство). И даже сталинская теория обострения классовой борьбы при социализме мне кажется не искусственно придуманной Сталиным для Сталина, как пытаются, помоему, упрощенно объяснить появление этой жестокой теории («идеологическое прикрытие» и тому подобное), а родилась «отцом народов» не только, повторяю, из жажды «вождизма», но и из ВЕРЫ в СВОЮ теорию.

Конечно, потом эта теория и идеология дополняли и помогали друг другу — с одной стороны, уничтожали «врагов народа», с другой, готовили народ к войне с фашизмом, с Гитлером. Одна жестокость шла против другой, Сталин против Гитлера, Гитлер против Сталина.

Да, было так... и было, конечно, не так. Два мира, два идеала и одна судьба людей — война. Люди шли и умирали со словами на устах «за Сталина», «за Гитлера» — символами родного дома и родины, мирного неба и счастья. Сейчас-то мы понимаем: они воевали против Сталина, против Гитлера.

Да, время рождает своих героев и своих извергов. И нет забвения героям, и нет прощения извергам, какими бы «орешками» они не были. И в этом тоже наша надежда на преодоление противоречий человеческого духа и человеческого бытия.

Так что же мы построили и строим? И кто есть Мы? Кто есть Я, то есть каждый из нас? Только знаю: мы не хотим быть пешками в «руках» социализма, но хотим, чтоб наш общественный строй, наше бытие было пешкой в чьих-то руководящих руках... И знаю еще: никто нам не даст никаких гарантий. Вот почему «Неопознанные Людские Объекты» (тоже НЛО) — человек и человеческое общество — должны быть стимулом для нашего исторического творчества. И признаемся: вопрос о «синей птице» и «рыжем петухе» с повестки истории не снят, ибо причину наших неудач еще надо искать и искать. И никакие «верха» без наших осознанных усилий это не осуществят, никакие «умные головы» нас всех не заменят, и перестраивать нашу жизнь мы будем, как опять же говорил В.И. Ленин, «не из фантастического и не специального нами сделанного человеческого материала, а из того, который остав-

лен нам в наследство... Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так несерьезен, что о нем не стоит и говорить».

3. ПАРАДОКС НЕРАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В этой небольшой главе я решил сконцентрировать мысль, отдельные моменты которой уже были высказаны в предыдущем тексте. И поэтому я повторю вопрос: не слишком ли все мрачно?

Общее число жертв сталинизма, как подсчитывают сегодня, примерно 40 млн. человек. Нас, живых, значительно больше. Живые всегда думали и думают о живом, так устроен человек. Вот почему, оглядываясь на прошлое нашей страны, наших и чужих судеб, мы видим не только небо в клетку, но и нашу свободную жизнь. Она была у каждого своя — в меру своей собственной, внутренней свободы при одинаковой государственной несвободе (отсутствии реального выбора товаров, идей и людей). И многим этой несвободы вполне хватало для «свободной» жизни и неподдельной гордости за свою страну, за свою родину, за свой народ: от лаптей доросли до мощной индустриальной державы, разгромили фашизм, первыми запустили спутник.

Азбучные факты, азбучные истины, но для истории страны, истории народа это живой и вечный нерв памяти и гордости. Нам есть чему радоваться, есть что защищать от огульного отрицания, охаивания и очернения. Живые думали о живом: и детей рожали (побольше, чем сейчас), и в гости друг к другу ходили (почаще, чем ныне), и песни пели (может, и не громче, но веселей, чем теперь поют. Притом сами пели, а не как сейчас: телевизор-магнитофон гремит), и «русскую» с цыганочкой еще как отплясывали (сейчас только в художественной самодельности увидишь или на деревенских свадьбах), на «Волге-Волге» и «Веселых ребятах» от души веселились, на концертах Аркадия Райкина смеялись до слез... Да разве все хорошее перечислишь? И разве можно одновременно осмыслить эти 40 миллионов загубленных жизней? Поистине, «мы за ценой не постоим».

Но я сейчас о другом. Миллионы людей ДОБРОВОЛЬНО платили своей кровью и потом за завтрашний день своей страны, за СВОЙ завтрашний день, радуясь дню сегодняшнему (слава богу, если судьба миловала) и веря в день завтрашний (веруя уже не в бога, а в государство). И в этом противоречие: боязнь государства как орудия насилия и вера в государство как орудие защиты и созидания, слепая вера в государство как в неизбежную и необходимую сильную центральную власть и не слепая вера в завтрашний день, основанная на реальной жизни: богаче становилось государство — лучше жили люди.

Государство давало все: свободу, работу,

денеги, хлеб и зрелища. Можно было жить: работа гарантировалась, деньги не отменялись, хлеба и зрелищ в основном хватало (перед войной люди жили сытно). Сложней было со свободой... Но даже свободным людям она фактически была не нужна: все решало государство. Свобода была нужна для жизни, а жизнь совершенствовало государство, значит свобода в основном была нужна центральной и прочей официальной власти, и люди были вполне удовлетворены СВОИМ КУСОЧКОМ свободы, который давал возможность зарабатывать деньги, их тратить, чтоб жить и по возможности веселиться, и работать на государство — на свой завтрашний день. Так замыкался круг: государство — люди — государство.

И тут я обозначаю противоречие, которое я осмелеваю определить как основную парадокс построенного нами социализма. Это противоречие видим уже давно: вера в государство и неверие в себя. По житейски это выглядит так: мы верим в завтрашний день, что государство даст нам возможность заработать на хлеб и зрелища, при желании заработать много для более сытного хлеба и более веселых зрелищ... но ты не сумеешь осуществить то, о чем мечтаешь, что было бы на пользу и тебе, и государству, не сумеешь доказать, пробить, выбить, уговорить, не хватит ни сил, ни опыта, ни связей, ни старания, ни умения... Ты вошь на этом белом свете, но вошь большая, государственная — и вроде уже не вошь в собственных глазах: дело-то делаешь тоже важное и ответственное, государство платить зря не будет.

Может, кто-то и скажет: чепуха, это не противоречие общественно-политической системы, — куда махнул! — а просто противоречие личности: не сумел доказать, пробить и т. д. — себя и вины, на самом деле, не личность, а вошь. Талантливые и сильные люди рано или поздно все равно себя осуществят. И здесь можно привести не мало достойных примеров из жизни быстротекущей: достал, доказал, пробил, уговорил, обнаружил по радио и даже в журнале напечатал. Без труда не вытянешь рыбку из пруда, особенно при нашей советской бюрократии. Жизнь — это борьба!

Не будем опять вспоминать загубленные, неосуществленные мечты и надежды не выживших людей или, наоборот, людей ВЫЖИВШИХ, которые приближали день сегодняшний. Это, конечно, была борьба, гласная, шумная или скрытая, тихая. И речь идет не об обывательском «достать», «протолкнуть», возведенные в престижные качества «сильного и умелого» государственного мужа или просто мужа. Речь идет о нормальной человеческой цивилизованной жизни... Нет, не будем прикрываться уже обозначенным нами вечным дефицитом материи и духа, который, как мы говорили ранее, должны учиться преодолевать. Закон единства и борьбы противоположностей вечен, в его объективном действии, не зависимо от нашей воли и старания, скрыта неиссякаемая

энергия вечного движения. И мы, конечно, должны учиться, чтоб это движение было не стихийным, учиться достойно преодолевать трудности, ошибки и трагедии (например, стихийные бедствия, аварии). И преодоление — это стремление к единству, а не к борьбе, а мы только и делаем, что боремся — и на работе, и в быту. Сколько мы знаем с вами неосуществленных судеб, сколько потеряно зря человеческой энергии, здоровья, крови и пота в этой бюрократической, но торжественно-государственной борьбе за технический прогресс, за урожай, за план, за единomyслие как за мифическое олицетворение нашей единой социалистической мощи. Талантливые конструкторы не конструируют, не изобретают, работающие люди не работают, пишущие пишут «в стол». Хотя извините, мы с вами говорили о пробуждении Слова: уже некоторых напечатали. Кто сумел пробиться или кому помогли — по-смертно.

Всю нашу нецивилизованную жизнь мы ждали (и еще пока ждем!) милости от государства в лице, так называемого аппарата управления и прочих корыстных и трусливых клерков, которые стали таковыми не только по прихоти бытия, как мы уже с вами говорили, но и по прихоти божьей: «свинцовые инстинкты» попали на благодатную почву. Вот и стали многомиллионные массы труженников не активными производителями материальных благ, а активными исполнителями инструкций, указаний и иных «цзу». А представители «духовного фронта» целыми группами и группировочками становились приспособленцами и двурушниками. Все мы обюркотились и попробуй нас пробить, уговорить.

Не будем сгущать краски, но и не будем приукрашивать. Здравый смысл, долг и совесть, конечно, в нас присутствуют (кворум!), только вот зачастую помалкивают и проявляют себя лишь в моменты испытаний и трагедий. Но мы-то с вами говорим о нормальной человеческой жизни, о нормальной работе, о нормальном отдыхе. Люди, уже давно потеряв веру в себя, начинают терять веру и в государство.

Вот мы и подошли к главной нашей задаче — к слиянию интересов человека и государства, к главному единству нашего общества. А это значит, что, в первую очередь, в нас самих должно быть единство: мы должны верить государству и должны быть уверенными в себе. Считаю, что УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ — это главное социально-политическое качество человека, характеризующее, естественно, и общество, в котором человек живет.

Не будем продолжать спор на тему, что первично, что вторично. Скажу только, что клеймя идеализм, мы сами скатывались к вульгарному материализму, различая только два цвета — белый и черный, рай и ад, совершенно забыв, а вернее подавив многоцветье жизни, сложность и красоту человеческого духа, буйство красок в философии,

экономике, политике, идеологии. Нет, буйство красок не должно вести только к восторгу, к пассивному умозаключению или нейтральному умозаключению. Торжество плюрализма мнений, чтоб не превратиться только в модное словосочетание и словобрехание, должно привести нас к множественности форм жизнедеятельности человека и общества, то есть привести к торжеству плюрализма дел. Формирование гражданской и деловой позиции человека как раз и стимулируется проявлением собственного Я, что и должно рождать Личности, Индивидуумы. И только в этом случае мы сможем найти и осуществить СВОЕ ДЕЛО — мечту, планы, задумки или просто работу на совесть, что будет выгодно тебе и государству.

Конечно, нет гарантий успеха, но должно быть ПРАВО НА РИСК, и осуществление этого права должно гарантировать и защищать государство, как уже говорилось, в лице своих служб и своих граждан, выполняя свою главную гуманитарную роль. И в этом случае формула, видимо, такова: человек — государство — человек: проявление и защита своих интересов через государственные и внутригосударственные самостоятельные, самоуправляемые общественные формирования и полная реализация этих интересов через аналогичные формирования, а значит опять выход на какой-то новый свой интерес (вот он ПОСТОЯННЫЙ настрой на инициативу!). Здесь государство не властитель судеб и дум, но и не пассивный посредник, а верный и надежный партнер в решении многих вопросов жизнедеятельности (особенно экономической), а где и главный дирижер и законодатель (общегосударственные социальные, дипломатические, оборонные и другие проблемы). И пусть ширятся и углубляются производственные и непроизводственные формирования — арендные предпринятия и хозяйства, кооперативы, всевозможные общества, объединения, комитеты и т.д. и т.п., помогающие государству решать как экономические, так и организационно-правовые задачи... Словом, только от взаимодействия двух равноправных основных «масс» — Человека и Государства — может родиться созидательная энергия.

Курс на децентрализацию, конечно, нужно проводить спокойно, настойчиво и последовательно. А путь «социальной саморегуляции», о чем говорит современная наука и современная жизнь, нам и сегодня не заказан. Но это, по-моему, не умаляет гуманитарной роли государства.

Противоречия вечны, а парадокс, о котором мы с вами говорили, вечным быть не должен. Вот почему мы с вами и говорим о необходимости перестройки.

4. «ЗА!»... и против ПЕРЕСТРОЙКИ

В основном мы все «ЗА!» — за перестройку. И многомиллионные скромные

труженики города и деревни, и городские, и деревенские деловые, активные люди, и восторги всех мастей, рангов и уровней, все коррумпированные и не коррумпированные начальники и начальники, все формалы и неформалы, в том числе, извините, даже проститутки, и прочий работающий и неработающий, но имеющий право голоса гражданский люд.

Думаю, что мы так громко «ЗА!» не потому, что вдруг внезапно вспыхнули социальным энтузиазмом и прониклись политической ответственностью, вдруг осознав, что альтернативы перестройке нет, так как иначе нам вскоре придется догонять по экономике не Америку, а слабо развитые страны со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными, духовными, оборонными и прочими последствиями для наших судеб и жизни. Нет, мы не из пулгивых. Как уже говорили, хотя оваций не будет, но все же мы жили, живем и будем жить.

Но ответ, конечно же, видится простым: мы все хотим жить лучше. Одни просто лучше, другие еще лучше, третьи шикарно, четвертые еще шикарней и так до бесконечности. И хотя говорят, что истина всегда проста, но этот «материальный» довод мне кажется не первопричинным.

Суть нашего всеобщего «ЗА!» мне видится в том, что мы все вместе и каждый, естественно, по-своему почувствовали в слове перестройка давно обещанный и завещанный нам всесильный и всемогущий стимул — СВОБОДУ, т.е. как раз ту реальную возможность реализовать, осуществить себя, свои мечты, планы, задумки, СВОЕ ДЕЛО, о котором мы уже говорили и которое многие еще не нашли и искать не хотят. И все же понимаем: мы не враги себе, при свободе мы ВЫБЕРЕМ для себя жизнь такую, чтоб нам было лучше, еще лучше, шикарней и т.д., понимая это тоже как-то по-своему, но обязательно с «обратной связью»: жить лучше — значит быть свободным.

Конечно, есть рабство как призвание, есть рабство как профессия. «Соратники» часто бывают рабами. Спасение их только в рабстве. Но основа первопричины ясна: во все времена люди жертвовали ради свободы не только своим «лучше», но и своим самым насущным, и своей жизнью. Свободолюбие нельзя уничтожить, его можно приглушить, усыпить или загнать в подполье своей души и вроде забыть о нем. Но свободолюбие живет в нас и накапливает усталость от рабства и несвободы — показатель, фиктивной, неудовлетворенной свободы. Усталость это потенциальная энергия разрушения и созидания. Без разрушения, видимо, нельзя. Трагично, что можно без созидания.

Мы устали от страха не только перед государством в лице «центра» и «органов», но и своих непосредственных начальников и начальничков, всевозможных клерков, воинствующих продавцов, водителей и прочих «слуг народа» — государственных служащих.

Мы устали от несвободы на работе: от

постоянных бумажек, беспросветной пустой суеты, малоэффективных дел, не приносящих ни весомого заработка, ни морального удовлетворения. Недаром шутим: мы делаем вид, что работаем, они делают вид, что платят.

Мы устали от бедности и некачественности нашего госсектора. Несвобода выбора или вообще отсутствие продуктов и товаров превращает нас в рабов хлеба насущного, плодит воровство и хамство, мы становимся завистливыми, скупыми, злыми, жестокими, что ведет к несвободе быть здоровым и телом, и духом.

Мы устали даже не столько от разных нехваток и дефицитов, сколько от социальной несправедливости. Мы многое можем выдюжить, многое выдержать, но всё, чем богаты, всем — по-честному, по-справедливому. Всем равные права, равные возможности. Этого у нас нет.

Можно привести бесконечное число доводов, почему мы «ЗА!». И у начальников свои доводы (многие так же, как и простые смертные, маются), и у воротил всех мастей, рангов и уровней, и прочего люда. Свобода выбора для некоторых звучит фанфарами «абсолютной свободы», в том числе и «свободной любви»: «все работы хороши, выбирай на вкус!» Но мы-то с вами понимаем, что свобода — это права и обязанности, это трудней, чем несвобода. Но кой для кого, уверен, это звучит приманкой легкой власти и легкого хлеба. А такую власть и такой хлеб хотят многие — не только мафия, но и простоватые труженики города и деревни, и непростые нынешние власть имущие. Словом, все «ЗА!»

Но а кто против? Думаю, что против... мы все — и многомиллионные скромные труженики города и деревни, и городские, и деревенские деловые, активные люди, и воротилы всех мастей, рангов и уровней и т.д. и т.п. И у каждого из нас тоже есть свои доводы. Мы о них на вокзале и базаре не кричим, а на собраниях и митингах тем паче. Более того, зачастую сами себе не признаемся.

О некоторых наших «против» мы уже говорили: и лень-матушка, что вперед нас родилась, и ответственность лишняя ни к чему, когда есть далекий иль близкий царь-батюшка, и зарплата надежная, хоть и небольшая, да и «своей» начальник лучше, чем СВОЕ ДЕЛО, не обидит, премию подкинет, а там горбатиться надо. И опять же боязнь: попробуй скажи, что ты против! (Хотя супротив сказать вроде и нечего.) И неуверенность: раскулачат, сократят, не переизберут и вообще надо бы до пенсии продержаться, а там пусть перестраиваются.

Есть и другие причины: работа за душу не берет, что ее перестраивать? До СВОЕГО ДЕЛА уже не дойти, не дотянуть — возраст не тот и силы не те. Пригрелись, притерпелись. Да и хозрасчет — одна неразбериха: никто не знает, в том числе и мы сами, что мы можем и сколько мы стоим, когда нет и не будет по вполне объективным соображениям

(масштабы производства, сложность работы) ни четкого планирования, ни четкого нормирования. Кинешься в этот хозрасчетный омут — только переберешься друг с другом, переругаешься и опять вернешься к своему царь-батюшке. А рынок и конкуренция, о которых всё шумят, с нашей-то культурой в баракхолку превратится и вообще всё запутаем.

И еще есть разные причины, и еще найдем, но если отбросить глобальные страхи, которые больше похожи на «идеологическое обеспечение», то общий смысл причин и доводов один: все мы за перестройку, но только каждый до СВОЕГО УРОВНЯ, до своих личных интересов, ибо у каждого, в том числе и у пролетариев, есть свои «золотые цепи», которые мы боимся потерять (например, «навар» от «левой» работы на государственном оборудовании или занятие не только общественными, но и личными делами в рабочее время, или прикармливание «бесхозных» болтов и гаек, — а зачастую кое чего и повесомей, — которые валяются в цехе повсюду, но которые кое что стоят в магазине и на баракхолке и т.д., и т.п. Я уж не говорю о широкой возможности «самообеспечения» в организациях общепита и других «хлебных» организациях). Вот и получается, что мы не столько хотим жить лучше, сколько боимся, чтобы не было хуже. А потому и не понимаем, что значит «перестройку надо начинать с себя». Или все же «перестраиваемся»: самокритикой себя хлестанем, не снимая, естественно, штанов, а, наоборот, подставив подушечку, от привилегий кой-каких откажемся, что глаза людям мозолят, или даже возьмем больше и кинем дальше, не отходя, естественно, от кассы, но зато все дальше отходя от всяких там НТР, НТП и АСУП. Так что начинать с себя можно, но только осторожно: пусть другие перестраиваются, а мы поучимся.

Но есть сопотривление и посылней: кто же власть свою отдать хочет? Один начальник из министерства так и сказал одному начальничку с предприятия: «Пока я работаю, никакого подряда!» И начальник до сих пор не может перевести свое предприятие на арендный подряд, так как начальник со своим министерством не хочет терять ни власть, ни дармовые доходы, ни привилегии.

Кстати, привилегии похлеще власти: многие бы власть отдали (все же заботы!), если бы сохранились привилегии. А так как привилегий без власти нет (исключая привилегии заслуженные, в смысле заработанные), то за власть и держатся, а привилегии вглубь прячут, камуфлируют «под пролетариат»: поликлиники ведомственные, как и у вас, товарищи заводчане, столы заказов — тоже, как у вас, квартиры — тоже по очереди и передовиков (читай «первых лиц») также поощряем квартирами. А вот о качестве обслуживания, товаров и прочего «у вас», «у нас» помалкивают. Видать, совестливые. Для таких перестройка, что кость в горле: не проглотить, не выплюнуть.

И не только для «таких». Сколько клер-

ков за свое кресло, стул или табурет держатся! Многие, конечно, вовремя «перестроились»: на другие кресла, стулья и табуреты пересели, кабинеты сменили или вывески, за перестройку ратуют, речи говорят, инструкции, стихи и прозу пишут... и боятся перестройки этой: вдруг тормозящие и застойные их грехи вспомнят, вдруг с кабинета или другого насыщенного (и зачастую тепло-го) места попросят. Как тут не будешь даже через «не хочу» по возможности тормозить перестройку.

И у военно-промышленного комплекса свои волнения: и сокращение производства и армии, и переориентация, и перекал-фикация, словом — конверсия. Не все так просто, как может показаться. Нет, мы все, как один, за всеобщее разоружение, здесь и разговоров, и сомнений не может быть. Но до этого далеко. Но мы и за сокращение и переориентацию. Только бы до пенсии про-держаться, как и собратьям по ширпотребу. Вот и пробивают свои проекты-проекты некоторые «заинтересованные». И коллек-тивы сидят-высжиживают, денежки народные проедают, с инициативой по ширпотребу или какой другой гражданской продукции не то-ропятся: ждут, как всегда, «цзу». Здесь уж целые коллективные заговоры — для кого неосознанные, вернее, по-своему осознан-ные: считают, что их коллективы, что «наш бронепоезд», стоят «на запасном пути», для кого от бессилия что-то изменить: на самом деле, кто знает, что в «портфеле» оборо-ного госзаказа, для кого вполне понятные: в основном узкая специализация и ширпо-треб не стыкуются. Ну а для многих лишнее «цзу» это лишняя головная боль, когда на «чистой» оборонке условия работы и жизни вполне приемлемые, а для кого и зело вы-годные: кресла есть, деньги немалые и ни-какого «народного контроля».

И мафия, конечно, себе на уме: всякое может быть, если народ, на самом деле, пробудится. И у любве- и не любвеобильных «кадров» и прочего люда свои тревоги.

Но это, так сказать, видимые причины на-шего «против». Но есть, как мне кажется, ос-новная причина нашего уже перестроенного торможения и застоя — это наш НЕПРО-ФЕССИОНАЛИЗМ. Эта та шапка-невидимка, под которой прячутся многие наши беды (не считая, конечно, уже известные нам аварии, катастрофы и прочие рукотворные несча-стья и трагедии). Кто же из нас признается, что мы малограмотные инженеры и врачи, экономисты и руководители, что мы прочие, прочие полуспециалисты? Не зря, говорят, наши дипломы «там» не ценятся. Но думаю, что дело не столько в дипломах, сколько в другом: жизнь не заставляла нас совершен-ствоваться. Из всех «наук» руководители ос-воили на отлично только матологию, а под-чиненные — отпихнизм. Чему учили, в жизни не потребовалось, что потребовалось, зна-ем по верхушкам. Но это всех устраивало и еще пока устраивает. Десятилетиями нас

приучали не работать, а закрыть вопрос, сделать план, пробить дело, выбить деталь, взять за горло, послать исходящий, полу-чить входящий, вторично запросить... еще раз запросить!.. еще раз!.. еще!! Эх, ухнем! Кому нужны знания?! Работаем, крутимся-вертимся или сидим-спим — наших знаний вполне хватает. Вот и работаем не столько по умению, сколько по хотению: одни рабо-тают из-за заработка, другие из-за квартиры или детского садика, третьим командировки нравятся, они здесь работают, четвертым ко-мандировки не нравятся, они там работают, для других — работа близко от дома и т.д. и т.п.

Мельчали профессионально — и как спе-циалисты, и как люди. Профессионализм не разделим с дисциплиной, профессионализм и дисциплина неразделимы с совестью, так как это всегда преодоление и «железа», и самого себя. Но какая может быть совесть, если количество без качества, премии по скорректированным планам, победители без соревнования. Служба спала, а деньги шли.

Вот и волнуемся: вдруг, на самом деле, придется по-настоящему, делом доказывать свою профпригодность? Молодым-то, у кого знания еще свежие, легче, а «старичкам» — их легионы и у всех уже радикулиты, остео-хондрозы, стенокардии — вдвойне тяжело. И это без всяких шуточек.

Конечно, есть у нас прекрасные специ-алисты, самородки, настоящие мастера. Но не о них сейчас речь. Так же и не о тех, кто сам вечно мучается своим «непрофесси-онализмом» — неудовлетворенностью своей работой, хотя делает ее не так же, как все, а лучше, чем делает она. Они честно работают и обязательно будут работать еще лучше, т.к. их неудовлетворенность это и есть настоя-щий профессионализм (без кавычек).

А вот как быть с «простыми смертными»? Преодолеть непрофессионализм нелегко, а многим уже практически невозможно, если говорить о работе по специальности, по ди-плому, к которому многие пришли неиспове-димыми путями: то ли мимо шли и в учебное заведение зашли, то ли родители за ручку привели, то ли учились с друзьями «за ко-мпанию», то ли без «корочек» жизнь не жизнь (что и на самом деле: по бумажке встречают, с бумажкой провожают), то ли судьбу испы-тывали, а она не толкала, не подталкивала, и уже давно назад хода нет.

И выход видится все же в одном: пы-таться найти СВОЕ ДЕЛО. Может, придется сменить и профессию, и специальность, и квалификацию. «Инженеру» стать профес-сиональным техником, «экономисту» — трудолюбивым бухгалтером, энергичному клерку — деловым кооператором... Только кто ж сам себя «понижать» будет, кто ж сам себя заставит учиться-переучиваться? Мало таких. Аттестации прошли, все в основном «соответствуют» и оклады у многих даже по-выселись. Работа и жизнь пока милует, и мы не торопимся и других не торопим.

А гражданский непрофессионализм? Не-

знание законов, неумение ими пользоваться... Да и понятно уже: не хотим мы ТАКОЙ свободы, чтоб с начальством воевать и с разными главками и министерствами. Мы избалованы, развращены свободой шашенской: ничегонеделаньем или деланьем по принципу «тяп-ляп»; свободой передвижения: отгулами, прогулами и загулами; свободой слова: анекдотами, разговорами, спорами «за жизнь» в разгар боевых трудовых будней. Что нам делить с начальством? За что с ним судиться, что выпаривать? Мы и так хозяева и законы нам просто ни к чему. За железной спиной государства и своих местных начальников мы как за «железным занавесом»: ничего толком не знаем, что в мире, вернее, в нашем производственном миреке делается, зато спокойно на душе и никакой ответственности.

Кто-то, конечно, скажет: эти сцены из времен застоя и торможения, сейчас все меняется — советы трудовых коллективов, хозрасчет, выборы-перевыборы руководителей, нужные законы и постановления и т.д. Говорили мы с вами: да, разбужено Слово, разбужено Действие, но как мало ясности и действенности во многих наших малых и больших решениях, постановлениях и законах, как еще мало смелых и деловых людей, смелых и деловых предприятий, а значит умелых хозрасчетных организаций и умелых, истинных граждан своей страны. Пока мы в большинстве своем еще не хозяева, а рабочая сила, трудовое население и просто жители поселков и городов. И этот наш общий — гражданский и деловой — непрофессионализм как раз и рождает ту главную НЕУВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ, о которой мы говорили. Только кто в этом признается?

Но а если кто и признается (сейчас руководители и подчиненные нередко каются в экономической безграмотности), то это скорее похоже на моду, чем на желание «засучить рукава», хотя, может, и посещают разные курсы, школы и семинары. С одной стороны, неопределенность и метание «большой науки» их настораживает, с другой стороны, боязнь и нежелание рисковать.

Есть среди нас, конечно, люди, которые «против» без всяких там «за» и прочих интеллигентских колебаний. Речь не о «пассиве», которому все равно при какой власти существовать, а об «активе» — сталинистах, экстремистах и «сытых» коммунистах. Первые, думаю, не в силах преодолеть свою «святую веру», ставшую убеждением (не столько вина, сколько беда этих людей), вторые, может быть, не только против советской власти, а вообще против всего гуманистического (не зря с экстремизмом и терроризмом весь мир борется), третьи с помощью партийных и беспартийных «соратников» столько наворовали или «накопили» (думаю, что есть накопления и без кавычек: за счет спецпайков и прочих привилегий, способствующих экономии семейного бюджета), что «сытый голодного не уразумеет», и, главное, они боятся перестроечных «копа-

ний и раскапываний»: и до их деятельности «ради народа» доберутся (как те же тихие и трусливые клерки).

Хотел бы сказать несколько слов и о нашем, если можно так выразиться, конструктивном «против». На самом деле, разве мы со всем согласны, как проходит перестройка? И дело не в просчетах и ошибках, — они, видимо, неизбежны, когда перестраиваешься «на марше», — (например, скоропалительные запретительные меры в борьбе против пьянства без каких-либо социальных подкреплений), а в таких перекосах, что это перестройкой уже не назовешь или требуется ПЕРЕперестройка.

Здесь можно говорить о националистических вывихах под достойнейшим знаменем совершенствования межнациональных отношений, возрождения национального самосознания и гордости, под вечным знаменем развития национального языка и культуры, экономической и политической жизни, а на самом деле скрывающих черное знамя шовинизма.

Для выхода «злой энергии» японцы придумали «резиную куклу» (копии людей, которых они хотели бы поколотить). И нашим медикам и психологам надо бы уже давно подумать о методах нервной разрядки наших славных тружеников города и деревни и как-то пытаться внедрять их в жизнь. Но я сейчас, как вы понимаете, о другом. В поисках «рыжего петуха» дней минувших и текущих можно не тратиться на резиновое техническое новшество, когда можно легко и быстро найти «куклу» живую. Вот в этом мы можем японцев перещегоолять. И тогда, на самом деле, весь мир поймет, что мы не просто отстали, а как, говорят, выразился один японец, «отстали навсегда». И здесь наше «против» должно исходить не только от медиков и психологов, а всех здравомыслящих простых и смертных тружеников города и деревни, иначе потаенное черносотенное знамя может незаметно для многих стать знаменем перестройки в фашизм.

Можно говорить и о других «против» — против неполной гласности, неполной информированности, против спешных и не до конца продуманных решений и постановлений и других методов и приемов, компрометирующих перестройку. Это и критика без четкой аргументации и ОДНОВРЕМЕННОЙ публикации материалов «виновников торжества» (вспомните предложение рабочих и «других товарищей» на мартовском, 1989 г., Пленуме ЦК партии «обсудить и дать оценку некоторым выступлениям члена ЦК КПСС Б.Н. Ельцина»), и принятие правительственных решений по экономическим и прочим хозяйственным вопросам без учета мнений ученых и специалистов, как пишут сами ученые и специалисты.

Но дело сейчас не в примерах, для нас важен другой факт: «за» и «против» у нас разные, как говорится, и по форме, и по со-

держанию. Только больше бы конструктивного плюрализма «за» и «против», только меньше бы плюрализма бездумного и кровавого.

5. ШАГИ К НЕПОКОЮ

Нет, не зря я в начале своих заметок пожалился, что хочется чего-то утверждающего и радостного. На самом деле, хочется. Словом, даешь оптимизм!

Можно сочинить «хеппи энд» в таком духе: «Несмотря на ошибки прошлых лет, мы стали великой державой. Значит, потенциальные возможности социализма безграничны. Перестройка это докажет».

Что ж, по-моему, скромно и со вкусом: без привычных «ура» и восклицательных знаков. Правда, не уверен, что кто-то еще, кроме самого автора, похвалит этот «счастливей конец». Да и сам автор, как вы, надеюсь, понял, настроен вполне критически к огульному оптимизму. И все же еще и еще раз задаю вопрос: не слишком ли все мрачно?

Конечно, теперь мы стали такими смелыми, такими «вумными», что можно и без всяких ироний говорить о повышении нашего человеческого качества: кризисный пик прошли, эволюция не по дням, а по часам идет в гору. Можно даже нарисовать диаграмму нашего очеловечивания с критическими, переломными точками в ноябре 17-го года и апреле 1985-го. Между этими точками, как вы догадываетесь, провал, после 85-го — восхождение. А до 1917-го — вообще полнейший мрак, пустота, словом — капитализм, царизм, феодализм.

Нет, без иронии не получается. Видимо, дело в том, что с высоты дня сегодняшнего или, как мы говорили, космического многое видится не только трагичным, но и смешным, — «радость со слезами на глазах». Надо же было «дорастить» от борьбы с мужскими галстуками, новогодними елками и стихами Сергея Есенина до борьбы с «врагами народа». Надо же было уметь клеймить буржуазную идеологию, не прочитав ни одной брошюры буржуазных авторов. Какое надо было иметь атеистическое и гражданское мужество, чтоб так успешно бороться с бессмертным богом и еще успешней обожествлять смертного Сталина. И кажется трагично-смешным тот «железный занавес», который был воздвигнут не только между нами и «тлетворным влиянием Запада», но и между нами и собственной историей и культурой, чтоб оберегать нашу революционную девственность. Только доморощенные государи-насилыники со своей свитой оказались куда проворней.

А разве не смешно, когда сейчас наши «необолваняющие» средства массовой информации и некоторые ученые и неученые мужи, привыкшие к р-революционной бдительности и дисциплине, иногда пытаются изобразить нашу историю, на самом деле, как сплошной провал с точкой отсчета

новой жизни с апреля 85-го года, а сам провал — как раздробленное нагромождение «времен», «эпох» и «этапов», связанных только с именем того или иного партийного деятеля, но не связанных между собой ЕДИНЫМ ПРЕОДОЛЕНИЕМ всего народа. И главное, словно не ведают, что нам есть чем гордиться и что защищать от огульного охавивания не только из дней далеких, которые мы с вами пытаемся понять, но и из дней недавних, которые мы с вами сами прожили и которые тоже требуют своего нового осмысления.

Вы спросите: а что же здесь-то смешного? А то, что многое звучит нарочито, навязчиво. Словно опять пытаюсь подыграть кому-то или выполнить чье-то указание (пытаюсь следовать «установке»? «линии»?), выпячивают «последние подвиги» и стараются опять вселить «царя в голову», тихо, как гипнотизеры, повторяя, что «перестройка началась сверху», чтобы мы, партийные и беспартийные, не дай ты господи не забыли о руководящей и направляющей роли партии и, главное, ее центральных органов. И, видимо, невдомек, что у нас «внизу», всю жизнь находившихся под каблуком текущего бытия и власть имущих и потому умудренных нелегким опытом, уже давно сердцем принято, что «руководящая и направляющая роль» — не разовый подвиг, а ежедневное индивидуальное и коллективное подвижничество, не «молитное единство», граничащее больше с единомыслием, чем с единомыслием, а открытый и честный разговор, опирающийся не только на мнение членов ЦК партии и приглашенных на совещания и заседания, а на давно обещанное широкое обсуждение вопросов в трудовых коллективах, на широкие опросы общественного мнения и всенародные референдумы. Прошедшие выборы народных депутатов СССР при всех недочетах и издержках показали нашу гражданскую способность думать и решать. И никому не дано право в этом сомневаться. И здесь уже не до шуток и усмешек.

И вот тут я, пожалуй, выскажу свою главную мысль: нам никто перестройку не подарил, не милостынно бросил, не от жалости провозгласил. Да разве не нашими муками, вздохами, стонами, неспетыми песнями накапливалась взрывная усталость, тревожа тех, «кому на Руси жить хорошо»? И сейчас для нас постепенно открывается новая глубинная история НАШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ, не придуманная духовными проститутками от науки, литературы или политики, а рожденная реальными судьбами политиков, дипломатов, ученых, военных, технарей, землепашцев и гуманитариев, поэтов, писателей, бардов... Люди! Помните наши бурные собрания в так называемые времена застоя и торможения! Помните наши многомиллионные письма, телеграммы, вопросы и запросы в адрес партийных и государственных органов и организаций! Помните наши «каверзные» вопросы и предложения на всевозможных конферен-

циях, семинарах! Да, мы были забыты, затюканы, замордованы, развращены и куплены обещаниями и благими намерениями, но жажда свободы и справедливости всегда жила в нас, мучила нас и выплескивалась наружу, преодолевая страх, неуверенность, неопытность, стыдливость. Это были наши с вами робкие, не всем видимые и не всеми, может быть, до конца и сегодня еще понятые и осознанные ШАГИ К НЕПОКОЮ.

Вот почему, понимая, что без духовного возрождения нам не осуществить перестройку и что основой этого духовного возрождения является ВЕРА в идеалы и УВЕРЕННОСТЬ в себе, мы должны упорно и настойчиво исследовать историю нашего сопротивления насилию и жестокости, торможению и застою. Вот почему совершенствование и осуществление политической реформы это забота не только партии, а всего народа. Мы не должны ждать милости от тех или иных органов, ведающих гласностью. Это завоевание народа. Отвоеванное у бывшей руководящей партийной верхушки, узурпировавшей власть. И даже малейшее отступление от этого основополагающего принципа нашей жизни ни в пропаганде, ни в практике не допустимо.

Силовая пропаганда сейчас не пройдет. Она вызывает не только раздражение, но и усмешку. А это самое страшное. К сожалению, есть примеры существенных «силовых» приемов пропаганды партийного «авторитета»: в свое время, на XIX Всесоюзной партийной конференции, ЭКСПРОМТНОЕ обсуждение предложения по совмещению первых постов партийных и советских руководителей, выборы кандидатов в народные депутаты от партии без альтернативных кандидатур (100 из 100).

Ведь всем понятно: зачем исправлять ошибки (наконец-то обнаружена стенограмма октябрьского, 1987 г., Пленума ЦК партии с выступлением Б.Н. Ельцина и других участников Пленума), когда лучше их не допускать. Но опять были не обнаружены предварительные материалы при подготовке мартовского, 1989 г., Пленума ЦК партии по вопросу сельского хозяйства.

И было бы совсем все понятно, если бы тот или иной шаг, сделанный от имени партии или ее руководящих органов, был бы сразу всем разъяснен, не дожидаясь криво толков, усмешек, вопросов наших и иностранных корреспондентов, лекторов, агитаторов, пропагандистов... Иначе, как бы ни убеждали людей, что дискуссии о многопартийности «беспочвенны», так как «можно и при трех-четырёх партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно!» (см. выступление М.С. Горбачева на встрече с представителями рабочего класса страны в Центральном Комитете КПСС 14 февраля с.г.), вопросов на эту тему не станет меньше и всегда будет казаться (а может, и без «казаться»), что там, на «верху», до сих пор защищают только свой авторитет и свою власть, а не авторитет и власть народа.

Мы становимся умнее и намного смелее, накапливая энергию «очеловечивания» — энергию человеческого мужества и доброты, энергию взаимоуважения и взаимопомощи народа и своего политического лидера. И чтоб мы не смеялись над «наивными» учеными и неучеными мужами и сами над собой, чтоб не принимали «раздробленность» нашей истории за раздробленность и «прывал» души, чтоб мы воспринимали сегодняшнее трудное восхождение не как иронию судьбы, чтоб мы сохранили себя великой державой на вечные времена, мы должны ПО ПРАВУ ПАМЯТИ, ПО ПРАВУ ДУХОВНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ помочь друг другу — и словом, и делом — самоосознать, что каждый новый этап нашей истории — это продолжение нашей жизни, наших судеб, как вечное продолжение человеческого единства и борьбы. Только тогда мы сможем возродить или взрастить гены не слепого, а осознанного исторического оптимизма, не пугливого или бесшабашного, а открытого и вдумчивого социального и духовного поиска. И тогда наша перестройка будет осуществляться не для народа и не только вместе с народом, а всем народом, и в этом гарантия ее необратимости.

6. НЕПОКОЙ

Трудно поставить последнюю точку в своих заметках, когда хочется сказать что-то самое главное, самое важное, чтоб не только прокричать о сложностях и трудностях бытия, но просто ВЫГОВОРИТЬСЯ и РАЗОБРАТЬСЯ. Такое состояние, что вроде хочется найти и описать какой-то новый... рецепт. Да, да, новый, но привычный для нас рецепт, то бишь милую сердцу инструкцию, в которой, отбросив ложную скромность, по пунктикам будет расписано, как нам надо будет завтра с утра начать жить по-новому. Но увь... И коль рецепта такого нет, то стоило ли мучиться над этими заметками?

Мне кажется, что такое же состояние ожидания нового испытывают сейчас во многих трудовых коллективах: пытаются найти «рецепт» перестройки... и, кроме непокая, ничего выдающегося пока не находят.

И основная причина сегодняшней неудовлетворенности, видимо, в том, что наш нынешний трудовой непокой все же больше похож на суету, чем на напряженные, беспоконные трудовые будни. Но поиск идет, это и есть сейчас самое главное, самое важное. За все надо платить, и за перестройку мы можем заплатить только одним — нашим душевным непокоем. Мы к этому непокою шли давно. Но он для нас не самоцель: к нему мы шли, чтоб обрести... покой. Да, чтоб ТРУДОВОЙ непокой был ДУШЕВНЫМ покоем твоим: чтоб напряженный, беспокойный труд принесил удовлетворение моральное и материальное, был полезен тебе и отечеству. Но до этого нам еще многое надо пройти, многое преодолеть.

Мы с вами говорили о политическом ли-

дерстве, и смысл его я сейчас вижу в том, чтоб всячески содействовать оперативному изучению и распространению опыта научных и хозяйственных лидеров, тех организаций, предприятий и хозяйств, тех научных, трудовых и творческих коллективов, в которых идет конкретный поиск и опробование новых идей, новых решений, новых приемов и методов работы и жизнедеятельности, в которых на практике осуществляются те экономические, хозяйственные и организационные реформы, о которых мы так много говорили в последние годы. Набираться опыта, накапливать знания и умение — на сегодня нет ничего важнее в нашей перестройке.

И тут картина противоречивая: в каждой избушке — свои игрушки. Я знаю по одному большому заводу: переаттестация не дала эффект по повышению производительности труда, перевыборы руководителей далеко не везде сплотили коллективы, не везде настроили их на деловой лад.

Но предприятия и хозяйства пробуют и аренду, и внутрипроизводственный хозрасчет, и кооперативные формы хозяйствования, совершенствуют бригадные и индивидуальные формы работы, совершенствуют нормирование труда и систему оплаты — дел невпроворот. Но до победных практических результатов еще далеко. Особенно если взять масштабы не отдельных предприятий, а города, области и страны. Мы это прекрасно видим по жизни.

Конечно, для ускорения преобразований можно, не задумываясь, бросить нас в бурную реку экономической и политической жизни — стихия! — и спасайся тогда, как говорится, кто как может. Не думаю, что это будет достойная агитация «делом». В этом и сложность нашей перестройки, что она должна проходить по возможности стабильно, последовательно, чтоб не допустить всеобщего хаоса, массовой безработицы, резкого падения уровня жизни.

Но все же главная, я считаю, медлительность перестройки возникает не столько из-за социальной осмотрительности и осторожности, сколько из-за научно-методической необеспеченности нововведений хотя бы на уровне производственных подразделений предприятий. То есть если в масштабах государства «осмотрительность и осторожность» это, может быть, и есть наука, то внутри наших родных трудовых коллективов, перешедших на хозрасчет, порядок хозяйствования должен быть хозрасчетным, а значит научно-обоснованным. И речь идет, как вы понимаете, не об упомянутом «рецепте перестройки» всего и вся, а о конкретных рекомендациях для цехов, отделов и прочих служб и предприятий в целом. Здесь много еще неясности и путаницы. И думаю, что ждать лидеров «большой науки» не следует, надо самим набираться опыта, что и делают многие коллективы.

Причина медлительности, конечно, не только в методических трудностях, но и в сохранении еще командно-бюрократических

методов работы как «центра», так и на местах, в морально-психологическом состоянии коллективов, не готовых менять уклад своей работы и жизни и во многих других субъективных и объективных трудностях и противоречиях, о которых мы с вами пытались говорить в этих заметках или которые остались вне нашего внимания. И поэтому иногда кажется, что формирование рынка, т.е. конкурентных форм работы надо все же как-то форсировать, чтоб мы опять не погрязли в рутине. Нет, это не стихийное «бросить в реку», а целенаправленная организация процесса, возможно, путем распределения госзаказа или каких-то иных мер, способствующих в экономическом соревновании обрести СВОЕ ДЕЛО каждому коллективу, каждому труженику. Шанс честно самому ЗАРАБОТАТЬ — это великий стимул.

Найти СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ формы конкурентного хозяйствования, конечно, не так просто, ведь нам надо сохранить высокую социальную защищенность работающих. На сегодня крупные государственные предприятия и хозяйства имеют в этой области жизнедеятельности большие возможности, чем небольшие предприятия и кооперативы. Но крупные предприятия и хозяйства, оставаясь фундаментом нашей хозяйственной жизни, должны превратиться в мобильные хозрасчетные фирмы, конкурентоспособные на внутреннем и международном рынке. А сейчас смешно и обидно, что в чебуречных и башмачных кооперативах люди зарабатывают больше, а значит и живут лучше, чем на крупных предприятиях, имеющих мощную технику и широкие людские возможности. Вот почему некоторые бегут с этих предприятий. А в кооперативах, увы, жестокий конкурс.

С одной стороны, это хорошо, так и задумывалось: постепенно формируется рынок и пусть побеждает умейший и сильнейший. Но с другой стороны, это рынок-то в основном пока не товарный, а рынок рабочей силы, и с предприятий уходят квалифицированные специалисты для работы не по специальности, а ради денег. А на одном «денежном энтузиазме» можно заехать совсем не в ту степь, что мы и видим сегодня в некоторых кооперативах, выжимающих прибыль любыми средствами и опустошая наши карманы.

А товарный рынок нам нужен позарез. От этого выиграют и покупатели и производители в накладе не будут. И тогда, может, социальная защищенность работающих на малых предприятиях и в кооперативах будет тоже высокой. Да и сегодня уже есть крупные кооперативные объединения, консорциумы, которые строят для себя и жилье, и детские учреждения, и базы отдыха... Берегитесь, уважаемые государственные предприятия и хозяйства, не хлопайте ушами, укрепляйте свои экономические и юридические службы, которые должны стать главным мозговым центром как при решении хозрасчетных проблем, так и в вопросах правовой экономи-

ческой борьбы (по аналогии с «правовым государством») и совершенствования социалистического соревнования. Ведь при конкуренции проигравший плачет, то бишь разоряется.

Вы спросите: а причем здесь социалистическое соревнование? Многие считают, что оно вообще давно умерло, а если не умерло, то никому не нужно. Это серьезная ошибка. Не нужно формальное, пустое соревнование, которое практиковалось и практикуется у нас до сих пор. И такое соревнование, конечно, мертворожденное. Но вспомните, сколько копий сломано, сколько сил потрачено на поиск новых форм и методов социалистического соревнования. И мы, наконец-то, от «железных» формул и коэффициентов пришли в основном к демократическому, гласному обсуждению итогов соревнования и «вычислению» победителей, т.е. к формуле — **СОВЕТОВАТЬСЯ ДРУГ С ДРУГОМ**. И формализм нашего социалистического соревнования не в его сути, а в формализме всей системы оплаты труда, которую мы сейчас и совершенствуем. Мы деньги не зарабатывали, а получали, мы в соревновании не участвовали, а занимались уравниловкой, так как за копейки не было стимула соревноваться. Но ведь конкуренция — это просто **АКТИВНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ**. Разве мы вправе пренебрегать принципами гласности, сравнимости результатов труда и повторения передового опыта? И не потому, что они «ленинские», а потому, что они гуманные: помогающие, а не уничтожающие.

Возможно, со временем произойдет слияние конкуренции и соревнования, и мы назовем наш метод общественных отношений **КОНКУРЕНТНЫМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СОРЕВНОВАНИЕМ**, когда только при неиспользовании или малоэффективном использовании передового опыта своих соперников проигравший заплачет. (Кстати, на некоторых фирмах Японии — а может, и не только Японии — есть что-то подобное — соревнование работающих, которое, естественно, не называется «социалистическим», но по форме, содержанию и оформлению такое же: за технический прогресс, за рационализацию, изобретательство, за улучшение общественной жизни фирмы — с гласностью, передачей опыта, досками почета, благодарностями и т.п. Там моральный фактор высоко ценится. Но и о материальном не забывают. Вот тебе и капиталисты).

Но вернемся к сегодняшнему дню. На предприятиях, в организациях и хозяйствах, как мне кажется, идет не просто спокойный, неторопливый поиск, а **НАКАПЛИВАЮТСЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ЗРЕЮТ КОНФЛИКТЫ**, которые могут привести или к реальным находкам новых форм и методов хозяйствования и к росту самосознания людей (пробуждению **СВОЕГО ДЕЛА!**), или... к взрыву недовольства, который, в свою очередь, приведет к очередной смене хозяйственных и партийных лидеров и к очередной надежде

на лучшую жизнь.

И вот тут как раз и должна идти речь о единении политического и хозяйственного поиска, и основой его, я уверен, должно быть одно — **внутрипроизводственная демократия**, т.е. как раз тот **СОВЕТ ДРУГ С ДРУГОМ**, к которому мы шли и идем уже многие годы. А это значит — активизация работы всех общественных и технических организаций и органов — Советов трудовых коллективов, научно-технических советов, собраний трудовых коллективов и других органов **КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**.

И все же еще раз выделю одну важную для меня мысль: настроение у людей настроенное. Да, есть отдельные достижения в применении арендного подряда, но это пока не носит массового характера и далеко не отлажено, как и другие формы хозрасчетной деятельности. Многие коллективы просто не знают с чего надо начинать, не имея научно-экономического обеспечения. Вот и опять ждут «цэу», теряют веру в перестройку... Надо смелей давать на местах власть работающим, дать им возможность самим **ВЫСТРАДАТЬ** свои нормы и свои заработки. Только вот беда: люди боятся **СВОЕЙ** власти, трусят, не привыкли хозяйствовать.

Да, душевный непокой тревожит людей. Но эта тревога не столько за свое дело, сколько за свою судьбу, и в этом основное противоречие. Люди волнуются и при аттестации или вне их бьются за повышение зарплаты, категории, разряда, за престижные и хорошо оплачиваемые должности (хотя последнее проявляется уже редко — особенно на уровне должностей начальников цехов и других «суетливых» кресел: лучше получать меньше, но жить спокойно), переизбирают руководителей, опять ругают начальство — вроде все понятно, обычно, буднично. И, конечно, люди волнуются и по иному поводу (мы ведь не только «за», но и против перестройки): вдруг сократят, вдруг переизберут и т. д. А поиск **СВОЕГО ДЕЛА** как бы отодвигается... Да и что его искать? Каждый работает на своем **ЗАКОННОМ** месте. И в этом суть: главный вопрос — **ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА** пока еще только где-то зреет.

И вот когда люди почувствуют — и перспективу прилично и достойно заработать, и достигнутым уровнем своего профессионализма, и умом и сердцем, что их судьба — это как раз и есть возможность осуществления **СВОЕГО ДЕЛА**, только тогда и начнется настоящая перестройка, ибо тогда не столько от местного царя-батюшки, а в основном от самого человека будет зависеть и его зарплата, и категория, и разряд, и занимаемая должность: хочешь — пробуй. Но за все надо будет платить — трудом и еще раз трудом. Конечно, может, все это звучит немного романтично и идеалистично, но без этой самой главной мечты и цели и максимально ускоренного приближения к ней никак нельзя — от каждого по способностям, каждому по труду. Но только не **КТО-ТО** ре-

шает — дает, раздает и распределяет, а ты САМ зарабатываешь, САМ преодолеваешь, САМ со своими соратниками-сотоварищами, каждый из которых тоже должен быть при СВОЕМ ДЕЛЕ, делая дело общее, совместное — с пользой для себя, людей и государства в целом. То есть идея равных социальных возможностей должна быть гарантирована государством и предпринятием, на котором ты работаешь, а дальше — уж сам не плошай (с богом или без бога — это уж твоё личное дело). То есть самый главный и самый трудный конфликт впереди — это КОНФЛИКТ С САМИМ СОБОЙ. А пока большинство из нас все еще с надеждой поглядывают на своего начальника. А этот начальник на своего начальника. А тот начальник на своего директора. А директор на своего министра. А министр на члена Политбюро. А член Политбюро на Генерального секретаря. А Генеральный секретарь с надеждой смотрит на народ. А народ — это мы.

7. ПРЕОДОЛЕНИЕ СЕБЯ

Как вы, наверное, уже поняли, конфликт с самим собой — это и есть преодоление себя. Если бы еще в жизни было все так просто и понятно.

Я знаю работоспособных руководителей, которые все еще ждут «цэу» «сверху».

Я знаю энергичных функционеров, которые расходуют свою энергию на приспособленчество.

Я знаю грамотных специалистов с грубыми, черствыми, хамскими душами.

Я знаю талантливых людей, души которых обросли равнодушием и ленью.

Я знаю не трусливых людей, которые долгие годы стесняются «пробовать» свои «творения».

Я знаю сильных людей, которые не могут противостоять унижению, оскорблению, насмехательству.

Я знаю... А сколько знаете еще вы.

А знаем ли мы себя? Может мы тоже среди этих трусливых и черствых? Может и нам надо обновлять души? А может нам нужна просто душевная поддержка, если наши души истерзаны ожиданием и надеждой? Да и много ли нам надо? Доброе слово, хлеба и зрелищ.

Это наша беда, что нам надо немного. Приспособились, привыкли, смирились. Что нам перестраиваться и себя преодолевать? Ради «добраго слова» и других моральных благ? Что ж, это можно, не откажемся, даже потребуем. А вот ради чего зарабатывать? Нет, от денег мы не откажемся, не дураки, нашли бы куда спустить. Найти бы клад или выиграть... Но чтоб горбатым стать, зато машину купить?! Я по улице пройдуся, радикулит разомну, да и брюхо не зеркало: бог дал, никто не видал, всё сам съел. Кому бутылка водки да хвост селедки, кому любовница в подъезде, кому, может, что посылает до полхлеба, а в основном для всех всё едино: все там будем, то бишь помрем.

Но в том-то и суть, что моральные блага и блага материальные при нормальной, цивилизованной жизни едины, то есть должны дополнять друг друга, быть в естественном единстве. «Ради идеи» сидят на сухарях, конечно, по своей воле, но не от хорошей жизни. И машина, как уже давно известно, не роскошь. Да и «в этой жизни умирать не ново», то есть хоть «и жить, конечно, не ново», но все же живем-то не смерти ради, а жизни для. А это значит, что верно мучаясь над смыслом жизни, все же надо жить хорошо и еще лучше. То есть чтоб были слова ласковой, хлеб сытней, зрелища интересней. Может в этом и есть смысл жизни?..

Вот и будем повышать нашу культуру и наши потребности, соблазняться новыми товарами и новыми путешествиями, осуществлять свои планы и мечты, радоваться жизни и радовать других, помогать беспомощным и слабым. Будем материально независимыми, материально свободными, то есть обеспеченными для долгой и счастливой жизни и счастливого продолжения человеческого рода в нашей огромной стране. И для всего этого надо хорошо зарабатывать, много производить товаров и благ, уметь торговать. Господи! Да когда же мы всему этому научимся? Когда же перестанем только красиво говорить и призывать?

Хотя и красиво жить не запретишь, но для начала научиться бы нам поскорей жить просто по-человечески, не оглядываясь на потребности и достижения 1913 года, а измеряя жизнь с сегодняшними возможностями. А в нашей такой богатой стране возможности огромные. Мы это чувствуем, понимаем и потому не только рвем глотку на собраниях и митингах, но и ищем новые формы работы и жизнедеятельности... и не можем до конца пробудиться. И уже повторяемся в пробудившихся Словах и Действиях, и опять надеемся и ждем, и опять критикуем и ищем, и не можем пока прорваться к СВОЕМУ ДЕЛУ. И усмехаемся, и молчим, и плюем на все. И, видимо, от этой суеты иногда и кажется, что мы еще совершенно не поняли и не хотим понимать, что с нами произошло и происходит, — то ли все еще не свободны в своем выборе, то ли не можем этот выбор сделать, то есть преодолеть себя.

Как известно свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. А свободное развитие как раз и должно привести к преодолению, значит свободное преодоление каждого есть условие нашего общего преодоления. Вот почему преодоление себя — это, в первую очередь, преодоление своей внутренней несвободы, преодоление страха, трусости, неуверенности, скованности, ложной стеснительности и ложной скромности.

Преодоление себя — это преодоление неверия и апатии, преодоление гражданско-го нигилизма.

Преодоление себя — это преодоление нашей лениности и наших «свинцовых инстинктов, нашего «против», нашего нежелания и

нехотения, нашего профессионализма.

Преодоление себя — это преодоление тысячи ролей. Ведь каждый из нас, как говорил В. Шекспир, «не одну играет роль». Мы и производственники, и общественники, и политики, и гуманитарии, и продавцы, и покупатели, и дети, и родители, и хозяева, и соседи.

Мы можем быть «винтиками», «пешками», роботами, чурбанами и дураками, Мы можем быть людьми умными, сильными, добрыми, в муках преодолевающие в себе вечные позы «винтиков», «пешек», роботов, чурбанов и дураков.

Но играя множество ролей, мы не только актеры, но и авторы нашей с вами жизни или по Марксу — всемирно-исторической драмы. Вернее, стремимся быть авторами — не формальными хозяевами заводов и фабрик, земли и орудий производства, а реальными хозяевами СВОЕГО ДЕЛА, а значит хозяевами собственной судьбы, собственной жизни, чтоб достойно играть свою главную единую роль — роль Человека. И тогда у нас будет что защищать, а значит будут стимулы и жить лучше, и быть лучше.

Преодоление себя — это сочетание, сгусток, плазма необходимости и добровольности.

Необходимость — это инициатива бытия, когда сама жизнь будет заставлять тебя и всех, как говорится, крутиться-вертеться.

Добровольность — это инициатива сознания, когда ты сам будешь заставлять себя и других крутиться-вертеться.

Преодоление себя — это работа души и тела. Каждый из нас имеет свои «критические массы» преодоления. И эта неравномерность накопления духовной и материальной энергии затрудняет общее преодоление.

Но другого не дано. И вот здесь как раз и велика роль лидеров, которые завоевывают и подтверждают это право личным преодолением.

Но каждый из нас должен тоже стать лидером в своей судьбе. Мы должны ЗНАТЬ свои права. Мы должны ЗАЩИЩАТЬ свои права. Наказание бюрократов и чинуш силой приказа и приговора должно подкрепиться наказанием экономическим, когда человеку будет НЕВЫГОДНО делать другому гадости или даже просто отпихиваться от его просьбы или предложения.

Но придем и к наказанию нравственному. Совесть, как синоним сознательности, всегда была нашим главным козырем, ставшим в жизни для многих, увы, битой картой. И здесь мы тоже надеемся на возрождение. В единении ПРАВА, РУБЛЯ и СОВЕСТИ успех нашего преодоления.

Вот и получается, что преодоление себя — это цепная реакция духа и материи, бытия и сознания, государства и личности.

Цепная реакция жизни, как это мы сейчас прекрасно понимаем, может привести к «отрицательному взрыву» — к выходу

«злобной энергии», к росту насилия, человеческого горя и страдания. И может привести к «положительному взрыву» — к росту созидательной активности, утверждению человеческой доброты и социального гуманизма, человеческой радости и счастья. Поэтому не будем будить друг в друге зверя. Будем будить друг в друге «души прекрасные порывы», а не душить их. Обновление души и обновление жизни вечно, так как бесконечна цепная реакция жизни.

Преодоление продолжается...

Декабрь 1988 г. — март 1989 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда М. С. Горбачев был в апреле с.г. в Великобритании, он в одном из выступлений сказал, что «мы, как говорится, «обречены» на успех перестройки. И наша великая страна располагает всем необходимым, чтобы его обеспечить».

Думаю, что речь идет о наших с вами огромных потенциальных возможностях. И исторический оптимизм, если перефразировать известные слова, становится материальной силой, когда овладевает массами силой ЗНАНИЯ и УМЕНИЯ. В этом я вижу нашу главную задачу. Поэтому «дипломатично» скажу так: мы «обречены» на успех перестройки, так как иначе мы обречены на провал.

Апрель 1989 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исторический оптимизм понятие не только, так сказать, государственное, но и личное. И, признаться, я всегда был в этом плане оптимистом, как и многие из россиян. И, конечно, хотел бы им остаться. Просто все упирается в цену, которую мы платим. А цена — дорогая — наши с вами жизни и судьбы, судьбы и жизни наших детей и внуков. И вот сейчас, в самое ответственное политическое время в нашей стране — время предвыборной борьбы, ВРЕМЯ ВЫБОРА, нам важно понять, кто из партий и движений и их политических лидеров максимально отойдет как от вульгарного «старого» социализма, так и от нынешнего безнравственного российского «капитализма», отразив в своих программах, словах и поступках (прежних и новых) чаяние основной массы людей — уверенность в завтрашнем дне: создание условий для мирной, свободной и трудовой жизни на благо каждого из нас, государства и человечества.

И опять поверим, и опять будем надеяться... И почему-то далеко не оптимистично вспоминаются старые слова: мы «обречены» на успех, так как иначе мы обречены.

Ноябрь 1999 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Прошли еще годы... Авторская реакция на послание президента Владимира Путина Федеральному Собранию 12.12.12 г.)

И опять нам предлагают с высокой трибуны поверить в благие слова и пожелания, повторяя и повторяя «открытия» о необходимости духовности, нравственности, правды, справедливости, гражданской активности, единения нашей истории, использования положительного опыта прошлых лет и т.д. и т.п. И опять мы будем... надеяться или действовать?

Недавно я опубликовал такую шутку: «Кремлевские кулинары утверждают, что головных VIP-персон кормят рыбой, гниющей с хвоста». А президент Владимир Путин, обращаясь к Федеральному собранию, сказал: «Власть должна вкалывать». Да, нам нужны ВЫСОКИЕ примеры. И чтоб смена «примеров» стала СИСТЕМОЙ. Только тогда, я думаю, мы «обречены» на «цепную реакцию» успехов. Иначе, как опять же правильно сказал Путин, «все и так развалится само по себе».

Увы, слова 1989 года «иначе мы обречены на провал» подтвердились развалом СССР и дальнейшим ограблением народа. И, по-моему, до сегодняшнего дня подтверждаются молчаливо-нарастающей верой БОЛЬШИНСТВА скорее в окончательный «конец света» в России, чем в оптимистичные ВЫСОКИЕ обещания».

12.12.12 г.

Часть 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ (в интернетовской редакции 2015 г., которую в настоящее время, естественно, тоже полностью подтверждаю).

На пресс-конференции 18 декабря 2014 года В. Путин сказал: «...многое удастся сделать с точки зрения диверсификации нашей экономики, потому что жизнь сама будет нас заставлять это делать». Да, жизнь должна заставлять нас крутиться-вертеться. Но, как я уже «вспоминал», для счастья (развития) нам нужен не героический «разовый порыв» в ответ на санкции (временные, будем надеяться) и не постоянный (тоже будем надеяться) валютно-нефтяной стресс (уже от собственных «санкций» бездарного хозяйствования), а ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ постоянный настрой на инициативу. Преодолевая себя, мы еще и по доброй воле должны крутиться-вертеться. А для этого нужен не только материальный, но и морально-психологический стимул — возможность осуществления СВОЕГО ДЕЛА на равноправной основе конкурентной борьбы, на социально-гуманистическом (думаю, для многих, в том числе для меня, был синонимом — социалистическом) фундаменте соревнования («не социалистически уравнительного, а, наоборот, социалистически конкурентного»), то есть защищаемого правовым государством. Вот и нужно говорить о его возрастающей ПРАВСТВЕННОЙ роли (в первую очередь, правящей элиты).

Да, мысли и слова многих ранее и ныне жаждущих «выговориться и разобраться»

уже не могут попасть под рубрику «Полеми-ческие заметки»... и поэтому становится все тревожней и тревожней слышать почти одни и те же слова, слова, слова...

Но зазвучали, так сказать, и реанимированные слова — «мобилизационная экономика» и «ручное управление» со старым и дорогим сердцу и желудку ура-патриотическим смыслом — прорвемся! ГОСУДАРСТВО сделало нас счастливыми. Конечно, для переходного периода (назовем так «время перемен») такая тактика, наверняка, необходима (увы, четверть века тому назад жаждущие власти политики и экономисты-управленцы слишком поспешили покончить с социализмом и советской властью). Но что-то долго мы «переходим». Причем четко по старинным — неужели генным? — законам: идем туда - не знаем куда, ищем то - не знаем что. Да, какая-то странная наша «цепная реакция» — не логически-последовательная, а хаотично-лабиринтная, с тупиками и метаниями. И несется не Русь-тройка, а громяхаит Емелина печь. Слово историческая мечта — только имитация движения: цель — невидимка, седоки при деле, народ по обочинам — кто в «воздух чепчики бросает», кто взмолвствует, кто втихушку ропщет, кто не втихушку...

Реанимировались и «страхи» — «предвоенное время», «атомная угроза», «третья мировая»... И уже ощущаем страхи без капычек — война в Украине, терроризм, религиозное противостояние... Вот и замечтаешься о «сильной руке», которая тебя и твоих близких защитит и накормит.

И все же... Да, не оказаться бы нам «пешками» уже в новейшей истории во всепроцессном заклинании «лишь бы не было войны». Конечно, роль государства никто не отрицает. Пожалуй, наоборот... И если рассматривать «мобилизационную экономику» и «ручное управление» как временную меру... Но, как давно известно, нет ничего более постоянного, чем временное... Да и будут ли достойные (конкурентные!) результаты... Если и будут, то надолго ли... Даже советскую власть после революции и гражданской войны фактически спас НЭП... — И вот в этих «многозначиях», как мне кажется, заключается основное противоречие — «верхам» нужно принимать срочные меры, чтоб экономика совсем не рухнула и «низы» не взбунтовались, а «низы», давно приученные к «временным трудностям», как к чему-то неизбежному, и к терпеливому самовыживанию в садах-огородах, надеются все же на «меры», чем на бездействие, понимая, что «верха» себя смертельно не обидят, а значит, и народу для жизни что-то достанется, и она продолжится своим чередом. К сожалению, взаимную подозрительность и недоверие между властью предрержащими и «простыми смертными» исключить «по щучьему веленью, по моему хотенью» не получится. Вот почему выражение «страна поднимается с колен» не должно быть аллилуйей

президенту-спасителю (отводит страну от шапочного разбора) или грозным силовиком (закладываем не шапками, а «Булавами»), а должно иметь глубинный исторический и истинно патриотический смысл — именно как ВЕРА В БУДУЩЕЕ.

Конечно, в этой «социальной психологии» надо еще разбираться и разбираться. Легко скатиться к ура-эмоциям, а вот чтобы высокие идеи овладели массами... И вновь приходится «вспоминать» об «историческом творчестве», «сверхзадаче» и социально-политических условиях «положительного взрыва» в «цепной реакции жизни» (ради бога, извините за самоцитирование). И эти «воспоминания», по-моему, совершенно не противоречат выше высказанной мысли, что многие из нас радуются некоторым ренанированным, я бы сказал, «иждивченским» словам и покорны «временным трудностям». Ведь речь идет о ПРЕОДОЛЕНИИ СЕБЯ, как не о временном, а постоянном процессе совершенствования человека и общества. И поэтому пусть не только «Булава» нас охраняет, но и современные производственные, экономические и прочие хозяйственные «шапки-достижения». И пусть мы будем жить во взаимопонимании со всем остальным миром. И не будем платить нескончаемую цену — судьбами, жизнями...

Думаю, самое трудное в этих благих пожеланиях это, конечно, суметь именно ПРЕОДОЛЕТЬ СЕБЯ — власти не закупить удил в экономически необоснованной «политической воле» (то есть не превратить командные «временные меры» в «ум, честь и совесть нашей эпохи»), а нам не заглотив ни державно-патриотическую наживку государственного всеислия, ни ультра-либеральную приманку вседозволенного свободолюбия (то есть не превратиться ни в покорное, безынициативное стадо, ни в безмозглую, всеразрушающую толпу). И власть успокаивает: все будет хорошо, мы не отходим от рыночной экономики, от создания условий для инвестиций и всемирной торговли, от совершенствования политической системы — демократических выборов, свободной прессы, разделения властей и т.д., и т.п. И опять слова, слова, слова...

Главный герой моей злополучной повести «Преодоление» в конце всех своих производственно-общественных деяний в эпоху брежневских «бурных и продолжительных аплодисментов, переходящих в овацию», и последующей не менее словообильной горбачевской перестройки созрел до понимания главного противоречия нашей жизни — это РАЗРЫВ МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ. Осознание этого «разрыва» привело его к душевному взрыву и готовности сказать правду: «Требую дела... Требую дела...» Он рванул к трибуне и во весь голос, словно хотел, чтоб его услышал весь завод, вся страна, весь белый свет, закричал: «Я требую слова!»

Повесть я закончил такими словами: «И прощаясь в этом повествовании со своими

героями, я хотел бы надеяться, что многие из них теперь ЗНАЮТ, «что новая жизнь не даром... достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...»

Эти слова — из романа Ф.М. Достоевского «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».

Вот такая была оптимистическая концовка моего скромного повествования (а в романе герой «НЕ знал того, что новая жизнь не даром...» и т.д.)

В те времена генсек ЦК КПСС и в дальнейшем президент СССР М.С. Горбачев, как я уже вспоминал, тоже был оптимистом: «...мы, как говорится, «обречены» на успех перестройки. И наша великая страна располагает всем необходимым, чтобы его обеспечить». Что из этого вышло, мы хорошо знаем.

На упомянутой пресс-конференции в декабре 2014 года прозвучал один эмоциональный пассаж: «Все гадали, какое настроение будет у Владимира Путина, потому что от этого во многом зависит настроение в стране. Вы пришли, несколько раз уже улыбнулись, и спасибо Вам за Ваш оптимизм. Надеемся, что всё действительно будет так, как Вы сказали».

А сказал президент, тоже повторю, конечно, хорошее: «...наша экономика выйдет из сегодняшней ситуации... рост неизбежен... По-другому будет просто невозможно функционировать».

В 2012 году после послания Владимира Путина Федеральному собранию я писал о «молчаливо-нарастающей вере БОЛЬШИНСТВА скорее в окончательный «конец света» в России, чем в оптимистичные ВЫСОКИЕ обещания». Сегодня мы в еще большей мере стоим перед историческим выбором — «будет просто невозможно функционировать» или «всё действительно будет так, как Вы сказали».

Конечно, пока опять все слова, слова, слова... Но, думаю, что и нам надо оставаться оптимистами. Но не просто «эмоционально» в знак обычного (корыстного — пугливое — идолопоклоннического — иждивенческого и т.д.) лизоблюдства или высокорейтинговой (общинной — монархической — стадной — ура-патриотической и т.д.) солидарности с властью, а для опять же ПРАВООВОГО, цивилизованного «великого, будущего подвига» по ОБЪЕДИНЕНИЮ людей (сторонников, сочувствующих, думающий электорат) — народ и власть, человека и государство — в главную «критическую массу» СОЗДАНИЯ.

По-моему, многое из вышесказанного является сегодня уже азбучной истиной, и все же опять позволю себе повторить, как мне кажется, главное и «воспоминаний» дней прошедших и нынешних:

— В единении ПРАВА, РУБЛЯ и СОВЕСТИ успех нашего преодоления.

— Нам нужны ВЫСОКИЕ примеры. И чтоб смена «примеров» стала СИСТЕМОЙ. Вот и Новогоднее пожелание у меня было соответствующее:

Смотри победно вперед:
Неизбежен Новый год!
«Овцу» или «Козу» встретили полночью...
Только бы нам козу не заделали —
И не только какие-то сволочи,
Сами не будем в дури умелыми.
Будем «кучерявыми», миролюбивыми —
В работе умными, упорными, не бранными,
В семье нежными, мудрыми, красивыми.
И в стране не будем, извините, баранами.

ТРЕБУЮ ДЕЛА! ТРЕБУЮ ДЕЛА!..

Цепная реакция преодоления продолжается.

Январь 2015 г.

Р. С. В этом году ежегодное послание президента Федеральному собранию прошло 21 апреля 21 года в 21 год правления Путина. Неужели опять подстраховали «магию слов» «магией чисел», как 12.12.12 в 12-00?

В послании, кроме раздачи социальных подарков, прозвучали старые, знакомые слова — «времени на раскачку нет».

Да, сколько времени потеряно... Сколько слез пролито... И цепной реакции ещё надо преодолеть не просто раскачку, а старое и новое опасное раскачивание, бюрократическую раскачку и силовое раскачивание..

2021 г.

Прости меня, моя страна

Прости меня, моя страна,
Что ты опять сира и нища,
Что по земле ползет война,
Что в душах наших холод свещет.
Прости меня, моя страна.
Я, может, песни тихо пел,
Я, может, строил непроворно,
С враньем и правдой не сумел
Я разобраться всенародно.
Да, был в душе у нас завет:
За все в ответе — вот богатство,
И много было бы побед
Под стягом равенства и братства.
А мы же мечемся опять,
Опять мы сыплем камни градом,
Опять не жить, а выживать...
Зато свобода! — вот награда.

Ее всегда любила власть —
И ножницами, и штыками
Кромсала наши судьбы власть...
И щедро поделилась с нами,
Ведя не в бой, а на убой,
Своей свободой хмельной —
Хоть захлебнись иль пей глотками.
Свобода как вино-дурман:
Простое, сладкое на пробу,
Но от него ты вскоре пьян
И, превратив мозги в утробу,
На закуску поскорей урви
Кусок потолка и жирнее,
И славь способности свои —
Других хитрее и наглее.
И тот, кто нищ, тот стал смелей,
И все и вся вокруг бичуя,
Кричит: «Долой!.. На плаху!.. Бей!...»,
Своей вины совсем не чую.
И душу отдают не нам,
А поклоняются деньгам
Певцы, жонглируя глаголом,
Метафорическим приколом,
В надежде, что прикрыли срам.
Но видно всем: «духовник» — голый.
А власть поклонно страстно бьет,
Играя с Богом и народом.
И горлопанит вновь свобода,
И вновь безмолвствует народ...

Не воровать, не бить, не ныть —
Свобода — ТРУДная задача,
Свобода — ТРУДная удача:
Чтоб, помогая людям жить,
Ты становился сам богаче.
Чтобы любимой мог цветы
Дарить весною и зимою.
Чтоб был с мечтой своей на ты,
Гордясь и жизнью, и страной.
А мы не знаем, что творим,
Опять надеждой только дышим
И за ценой не постоим,
Живую душу не услышав.
Прости меня, моя страна.
Не обвиняй меня ты в лени,
Но в чем-то есть моя вина...
И в чем-то есть твоя вина...
Я твой изгой и сын, и пленник.
Прости меня, моя страна...

1999 г.